

РОМАНЫ

И

П О В Ъ С Т И

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Х. ГИНЦЕ.

1 8 3 7.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА VIII.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ.

Незванный гость хуже Татарина.
Пословица.

Площадь опустѣла. Я все стоялъ на одномъ мѣстѣ, и не могъ привести въ порядокъ мысли, смущенныя столь ужасными впечатлѣніями.

Неизвѣстность о судьбѣ Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Гдѣ она? что съ нею? успѣла ли спрятаться? надежно ли ея убѣжище?... Полный тревожными мыслями,

я вошелъ въ комендантскій домъ . . . Все было пусто; стулья, сполы, сундуки были переломаны; посуда перебиша ; все растаскано. Я вбѣжалъ по маленькой лѣстницѣ, которая вела въ свѣтлицу, и въ первый разъ отъ роду вошелъ въ комнату Марьи Ивановны. Я увидѣлъ ея постелю , перерытую разбойниками ; шкафъ былъ разломанъ и ограбленъ ; лампада пеплилась еще передъ опустѣлымъ кивотомъ. Уцѣлѣло и зеркальцо, висѣвшее въ простѣнкѣ Гдѣ жъ была хозяйка этой смиренной, дѣвической кельи? Страшная мысль мелькнула въ умѣ моемъ: я вообразилъ ее въ рукахъ у разбойниковъ Сердце мое сжалось . . . Я горько, горько заплакалъ , и громко произнесъ имя моей любезной . . . Въ эту минуту послышался легкій шумъ , и изъ - за шкапа явилась Палаша, блѣдная и препещущая.

« Ахъ , Петръ Андреичъ ! » — сказала она , всплеснувъ руками. « Какой денёкъ! какія страсти ! » . . .

А Марья Ивановна ? — спросилъ я нетерпѣливо. Что Марья Ивановна ?

« Барышня жива » — отвѣчала Палаша. « Она спрятана у Акулины Памфиловны. »

У попадьи!—вскричалъ я съ ужасомъ. Боже мой! да шамъ Пугачевъ!...

Я бросился вонъ изъ комнапы, мигомъ очутился на улицѣ и опрометью побѣжалъ въ домъ священника, ничего не видя и не чувствуя. Тамъ раздавались крики, хохотъ и пѣсни.... Пугачевъ пировалъ съ своими поварщицами. Палаша прибѣжала туда же за мною. Я подослалъ ее вызвашъ пихонько Акулину Памфиловну. Черезъ минупу попадьа вышла ко мнѣ въ сѣни съ пущымъ шпофомъ въ рукахъ.

— Ради Бога! гдѣ Марья Ивановна?—спросилъ я съ несизъяснимымъ волненіемъ.

«Лежишь моя голубушка у меня на кровати, шамъ за перегородкою» — опивѣчала попадьа. «Ну, Пепръ Андренчъ, чуть было не стряслась бѣда, да слава Богу, все прошло благопблучно: злодѣй только-что усѣлся обѣдать, какъ она моя бѣдняжка очнепся да за стонетъ!... Я шакъ и обмерла. Онъ услышалъ: «А кто это у тебя охаептъ, старуха?» Я вору въ поясъ: племянница моя, Государь; захворала, лежишь вотъ ужъ другая недѣля. — «А молода твоя племянница?» — Молода,

Государь.—«А покажи-ка мнѣ, старуха, свою племянницу.»—У меня сердце такъ и ёкнуло, да нечего было дѣлать.—Изволь, государь; только дѣвка - то не сможешь вспасть и припсти къ твоей милости.—«Ничего, старуха, я и самъ пойду погляжу.» И вѣдь пошелъ окаяннѣй за перегородку; какъ ты думаешь, вѣдь опдернулъ занавѣсъ, взглянулъ ястребиными своими глазами—и ничего Богъ вынесъ! А вѣришь ли, я и батька мой такъ уже и приготовились къ мученической смерти. Къ счастью, она, моя голубушка, не узнала его. Господи Владыка, дождались мы праздника! Нечего сказать! Бѣдный Иванъ Кузмичъ! кто бы подумалъ! . . . А Василиса-то Егоровна? А Иванъ-то Игнапъичъ? Его-то за что? . . . Какъ это васъ пощадили? А каковъ Швабринъ, Алексѣй Ивановичъ? Вѣдь остригся въ кружокъ и теперь у насъ путь же съ ними пируетъ! Проворенъ, нечего сказать! А какъ сказала я про больную племянницу, такъ онъ, вѣришь ли, такъ взглянулъ на меня, какъ бы ножемъ насквозь; однако не выдалъ, спасибо ему и за то.»—Въ эту минуту раздались пьяные крики гостей и

голосъ отца Герасима. Гости требовали вина, хозяинъ кликалъ сожительницу. Попадья расхлопоталась. «Ступайте себѣ домой, Петръ Андреичъ» сказала она; «теперь не до васъ; у злодѣевъ попойка идетъ. Бѣда, поладетесь подь пьяную руку. Прощайте, Петръ Андреичъ. Что́ будетъ, то́ будетъ; авось Богъ не оставитъ.»

Попадья ушла. Немного успокоенный, я отправился къ себѣ на квартиру. Проходя мимо площади, я увидѣлъ нѣсколько Башкирцевъ, которые тѣснились около висѣлицы и спаскивали сапоги съ повѣшенныхъ; съ трудомъ удержалъ я порывъ негодованія, чувствуя бесполезность заступленія. По крѣпости бѣгали разбойники, грабя офицерскіе дома. Вездѣ раздавались крики пьянствующихъ мясешниковъ. Я пришелъ домой. Савельичъ встрѣпилъ меня у порога. «Слава Богу!» вскричалъ онъ увидя меня. Я было думалъ, что злодѣи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Петръ Андреичъ! вѣришь ли? все у насъ разграбили, мошенники: платье, бѣлье, вещи, посуду—ничего не оставили. Да что ужъ! Слава Богу,

что тебя живаго отпустили! А узналъ ли ты, сударь, атамана?»

Нѣтъ, не узналъ; а кто же онъ такой?

«Какъ, батюшка? Ты и позабылъ того пьяницу, которой выманилъ у тебя шулупъ на постояломъ дворѣ? Заячій шулупчикъ совсѣмъ новѣшенькій; а онъ, бесѣя, его такъ и располъ, напяливая на себя!»

Я изумился. Въ самомъ дѣлѣ, сходство Пугачева съ моимъ жогапымъ было разительное. Я удостовѣрился, что Пугачевъ и онъ были одно и то же лице, и понялъ тогда причину пощады, мнѣ оказанной. Я не могъ не подивиться странному сцѣпленію обстоятельствъ: дѣтскій шулупъ, подаренный бродягѣ, избавлялъ меня отъ пепли, и пьяница, шатавшійся по постоялымъ дворамъ, осаждалъ крѣпости и потрясалъ государствомъ!

«Не изволишь ли покушать?» спросилъ Савельичъ, неизмѣнный въ своихъ привычкахъ. «Дома ничего нѣтъ; пойду, пошарю, да чтонибудь тебѣ изготовлю.»

Оставшись одинъ, я погрузился въ размышленія. Что мнѣ было дѣлать? Оставаться въ крѣпости подвластной злодѣю, или слѣ-

довать за его шайкою, было неприлично офицеру. Долгъ требовалъ, чтобъ я явился туда, гдѣ служба моя могла еще быть полезна отечеству въ настоящихъ, затруднительныхъ обстоятельствахъ... Но любовь сильно совѣтовала мнѣ оставаться при Марьѣ Ивановнѣ и быть ей защитникомъ и покровителемъ. Хотя я и предвидѣлъ скорую и несомнѣнную перемену въ обстоятельствахъ, но все же не могъ не трепетать, воображая опасность ся положенія.

Размышленія мои были прерваны приходомъ одного изъ казаковъ, который прибѣжалъ съ объявленіемъ, что-де великій Государь требуетъ тебя къ себѣ.» — Гдѣ жъ онъ? — спросилъ я, готовясь повиноваться.

«Въ комендантскомъ» отвѣчалъ казакъ. «Послѣ обѣда батюшка нашъ отправился въ баню, а теперъ отдыхаетъ. Ну, ваше благородіе, по всему видно, что персона знатная: за обѣдомъ скушались изволили двухъ жареныхъ поросятъ, а парился такъ жарко, что и Тарасъ Курочкинъ не вытерпѣлъ, отдалъ вѣникъ Ѳомкѣ Бикбаеву, да на силу холодной водой откачался. Нечего сказать: всѣ приемы

такіе важныя... А въ банѣ, слышно, показывалъ царскіе свои знаки на грудяхъ: на одной двуглавый орелъ, величиною съ пятакъ, а на другой персана сго.»

Я не почелъ нужнымъ оспоривать мнѣніа казака, и съ нимъ вмѣстѣ отправился въ комендантскій домъ, заранѣ воображая себѣ свиданіе съ Пугачевымъ и стараясь предугадать, чѣмъ оно кончится. Читатель легко можетъ себѣ представить, что я не былъ совершенно хладнокровенъ.

Начинало смеркаться, когда пришелъ я къ комендантскому дому. Висѣлица съ своими жертвами страшно чернѣла. Тѣло бѣдной комендантши все еще валялось подъ крыльцемъ, у котораго два казака стояли на караулѣ. Казакъ, приведшій меня, отправился про меня доложить, и, потчасъ же воропившись, ввелъ меня въ ту комнату, гдѣ наканунѣ такъ нѣжно прощался я съ Марьей Ивановою.

Необыкновенная картина мнѣ представилась. За столомъ, накрытымъ скапертью и уставленнымъ штофами и стаканами, Пугачевъ и человекъ десять казацкихъ старшинъ си-

дѣли, въ шапкахъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, разгоряченные виномъ, съ красными рожамы и блистающими глазами. Между ними не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранныхъ измѣнниковъ. А, ваше благородіе!» сказалъ Пугачевъ, увидя меня. Добро пожаловать; честь и мѣсто, милости просимъ.» Собесѣдники потѣснились. Я молча сѣлъ на краю стола. Сосѣдъ мой, молодой казакъ, стройный и красивый, налилъ мнѣ стаканъ простаго вина, до котораго я не коснулся. Съ любоньшствомъ спалъ я размашривать сборище. Пугачевъ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, облокотясь на сноль и подпирая черную бороду своимъ широкимъ кулакомъ. Черты лица его, правильныя и довольно пріятныя, не изъявляли ничего свирѣпаго. Онъ часто обращался къ человѣку лѣтъ пятидесяти, называя его то графомъ, то Тимоосичемъ, а иногда величая его дядюшкою. Всѣ обходились между собою какъ товарищи и не оказывали никакого особеннаго предпочтенія своему предводителю. Разговоръ шелъ объ упренемъ приступъ, объ успѣхѣ возмущенія и о будущихъ дѣйствіяхъ. Каждый хвасталъ,

А четвертый мой товарищъ , то тугой лукъ ,
Что разсылщики мои, то калены стрѣлы.
Что возговорить надежа православный Царь :
Исполать тебѣ, дѣтинушка , крестьянскій сынъ ,
Что умѣль ты воровать, умѣль отвѣтъ держать !
Я за то тебя, дѣтинушка , пожалуйю
Среди поля хоромами высокими ,
Что двумя ли столбами съ перекладиной.

Невозможно рассказать , какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройныя голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ, все потрясало меня какимъ-то пипическимъ ужасомъ.

Гости выпили еще по стакану, встали изъ за-стола и простились съ Пугачевымъ. Я хотѣлъ за ними послѣдовать; но Пугачевъ сказалъ мнѣ: «Сиди ; я хочу съ тобою переговоришь.»—Мы оспались глазъ на глазъ.

Нѣсколько минушь продолжалось обоюдное наше молчаніе. Пугачевъ смопрѣлъ на меня пристально , изрѣдка прищуривая лѣвый глазъ съ удивительнымъ выраженіемъ плутовства

и насмѣшливости. Наконецъ онъ засмѣялся, и съ такою непритворной веселостію, что и я, глядя на него, сталъ смѣяться, самъ не зная чему.

«Что, ваше благородіе?» сказалъ онъ мнѣ. «Спрусилъ ты, признайся, когда молодцы мои накинуди тебѣ веревку на шею? Я чаю, небо съ овчинку показалось... А покачался бы на перекладинѣ, если бѣ не твой слуга. Я потчасъ узналъ спараго хрыча. Ну, думалъ ли ты, ваше благородіе, что человекъ, которій вывелъ тебя къ умету, былъ самъ великій Государь? (Тутъ онъ взялъ на себя видъ важный и таинственный). Ты крѣпко предо мною виноватъ»—продолжалъ онъ; «но я помиловалъ тебя за твою добродѣтель, за то, что ты оказалъ мнѣ услугу, когда принужденъ былъ скрыватья отъ своихъ недруговъ. То ли еще увидишь! Такъ ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обѣщаешь ли служить мнѣ съ усердіемъ?»

Вопросъ мошенника и его дерзость показали мнѣ такъ забавны, что я не могъ не усмѣхнуться.

«Чему ты усмѣхаешься?» спросилъ онъ меня нахмурясь. «Или ты не вѣришь, что я великій Государь? Отвѣчай прямо.»

Я смутился. Признать бродягу Государемъ былъ я не въ состояніи: это казалось мнѣ малодушіемъ непростительнымъ. Назвать его въ глаза обманщикомъ—было подвергнуть себя гибели; и то, на что былъ я готовъ подъ висѣлицею въ глазахъ всего народа и въ первомъ пылу негодованія, теперь казалось мнѣ бесполезной хвастливостію. Я колебался. Пугачевъ мрачно ждалъ моего отвѣта. Наконецъ (еще и нынѣ съ самодовольствіемъ поминаю эту минуту) чувство долга воспоржествовало во мнѣ надъ слабостію человеческою. Я отвѣчалъ Пугачеву: Слушай; скажу тебѣ всю правду. Разсуди, могу ли я признать въ тебѣ Государя? Ты человекъ смысленный: ты самъ увидѣлъ бы, что я лукавствую.

«Кто же я таковъ, по твоему разумѣнію?»

— Богъ тебя знаетъ; но кто бы ты ни былъ, ты шутишь опасную шутку.

Пугачевъ взглянулъ на меня быспро. «Такъ ты не вѣришь»—сказалъ онъ «чтобъ я былъ

Государь Петръ Федоровичъ? Ну, добро. А развѣ нѣтъ удачи удалому? Развѣ въ спарину Гришка Отрепьевъ не царствовалъ? Думай про меня что хочешь, а отъ меня не отставай. Какое тебѣ дѣло до инаго прочаго? Кто ни попъ, тотъ батька. послужи мнѣ вѣрой и правдою, и я тебя пожалую въ фельдмаршалы и въ князья. Какъ ты думаешь?»

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я съ твердостью. Я природный дворянинъ; я присягалъ Государынѣ Императрицѣ: тебѣ служить не могу. Коли ты въ самомъ дѣлѣ желаешь мнѣ добра, такъ опусти меня въ Оренбургъ.

Пугачевъ задумался. «А коли опущу» сказалъ онъ, «такъ общаешься ли по крайней мѣрѣ противъ меня не служишь?»

— Какъ могу тебѣ въ этомъ общаться?—отвѣчалъ я; самъ знаешь, не моя воля; велятъ иши противъ тебя — пойду, дѣлать нечего. Ты теперь самъ начальникъ; самъ требуетъ повиновенія отъ своихъ. Начто это будетъ похоже, если я отъ службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя въ твоей власти: опустишь меня — спа-

сибо; казнишь — Богъ тебѣ судья, а я ска-
залъ тебѣ правду.

Моя искренность поразила Пугачева. «Такъ
и быть» сказалъ онъ, ударя меня по плечу.
«Казнишь, такъ казнишь; миловать, такъ ми-
ловать. Ступай себѣ на всѣ четыре стороны
и дѣлай, что хочешь. Завтра приходи со мною
проститься, а теперь ступай себѣ спать,
и меня ужъ дрема клонишь.»

Я оставилъ Пугачева и вышелъ на улицу.
Ночь была тихая и морозная. Мѣсяцъ и звѣ-
зды ярко сіяли, освѣщая площадь и висѣли-
цу. Въ крѣпости все было спокойно и тем-
но. Только въ кабакъ свѣпился огонь и раз-
давались крики запоздалыхъ гулякъ. Я взгля-
нулъ на домъ священника. Ставни и воропа
были заперты. Казалось, все въ немъ было
тихо.

Я пришелъ къ себѣ на квартиру, и нашелъ
Савельича, горюющаго по моему отсутствіи.
Вѣсть о свободѣ моей обрадовала его несказан-
но. «Слава тебѣ, Владыка!» сказалъ онъ пере-
крестившись. «Чѣмъ свѣтъ оставимъ крѣ-
пость и пойдѣмъ куда глаза глядятъ. Я тебѣ
кое-что заготовилъ; покушай-ка, батюшка,

да и почивай себѣ до утра, какъ у Христа за пазушкой.»

Я послѣдовалъ его совѣту, и, поужинавъ съ большимъ аппетитомъ, заснулъ на голомъ полу, утомленный душевно и физически.

ГЛАВА ІХ.

РАЗЛУКА.

—•••—
Сладко было спознавапсья
Мнѣ , прекрасная, съ тобой ;
Грустно, грустно разставаться ,
Грустно, будто бы съ душой.
Херасковъ.

Рано ушромъ разбудилъ меня барабанъ. Я пошелъ на сборное мѣсто. Тамъ спроились уже толпы Пугачевскія около висѣлицы, гдѣ все еще висѣли вчерашнія жертвы. Казаки спояли верхами, солдаты подъ ружьемъ. Знамена развѣвались. Нѣсколько пушекъ, между

коихъ узналъ я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Всѣ жители находились тушь же, ожидая самозванца. У крыльца комендантскаго дома казакъ держалъ подъ устцы прекрасную бѣлую лошадь Киргизской породы. Я искалъ глазами шѣла комендантши. Оно было опнесено немного въ сторону и прикрыто рогожею. Наконецъ Пугачевъ вышелъ изъ сѣней. Народъ снялъ шапки. Пугачевъ остановился на крыльцѣ и со всѣми поздоровался. Одинъ изъ старшинъ подалъ ему мѣшокъ съ мѣдными деньгами, и онъ спалъ ихъ мешать пригоршнями. Народъ съ крикомъ бросался ихъ подбирать, и дѣло обошлось не безъ увѣчья. Пугачева окружили главные изъ его сообщниковъ. Между ими стоялъ и Швабринъ. Взоры наши встрѣтились; въ моемъ онъ могъ прочесть презрѣніе, и онъ отворопился съ выраженіемъ искренней злобы и притворной насмѣшливости. Пугачевъ, увидѣвъ меня въ толпѣ, кивнулъ мнѣ головою, и подозвалъ къ себѣ. «Слушай», сказалъ онъ мнѣ, «Сступай сей же часъ въ Оренбургъ, и объяви отъ меня губернатору и всѣмъ генераламъ, чтобъ ожидали меня къ себѣ черезъ недѣлю.

Присовѣтуй имъ встрѣтить меня съ дѣпскою любовію и послушаніемъ; не то, не избѣжать имъ лютой казни. Счастливыи пущь, ваше благородіе!» Потомъ обратился онъ къ народу, и сказалъ, указывая на Швабрина: «Вотъ вамъ, дѣпушки, новый командиръ. Слушайте его во всемъ, а онъ отвѣчаетъ мнѣ за васъ и за крѣпость.» Съ ужасомъ услышалъ я сіи слова: Швабринъ дѣлался начальникомъ крѣпости; Марья Ивановна оставалась въ его власти! Боже, что съ нею будетъ! Пугачевъ сошелъ съ крыльца. Ему подвели лошадь. Онъ проворно вскочилъ въ сѣдло, не дождавшисъ казаковъ, которые хотѣли было подставить его.

Въ это время, изъ толпы народа, вижу, выступилъ мой Савельичъ, подходитъ къ Пугачеву, и подаетъ ему листъ бумаги. Я не могъ придумать, что изъ того выйдетъ. «Это что?» спросилъ важно Пугачевъ.—Прочитай, такъ изволишь увидѣть, отвѣчалъ Савельичъ. Пугачевъ принялъ бумагу и долго разсматривалъ съ видомъ значительнымъ. «Что ты такъ мудрено пишешь?» сказалъ онъ наконецъ. Наши свѣтлыя очи не могутъ

шуть ничего разобрать. Гдѣ мой оберъ-секретарь?»

Молодой малой въ капральскомъ мундирѣ проворно подбѣжалъ къ Пугачеву. «Читай вслухъ», сказалъ самозванецъ, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовалъ узнать, о чемъ дядька мой вздумалъ писать Пугачеву. Оберъ-секретарь громогласно спалъ по складамъ читалъ слѣдующее :

«Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей.»

— Это что значить? — сказалъ, нахмурясь, Пугачевъ.

Прикажи читать далѣе, отвѣчалъ спокойно Савельичъ.

Оберъ-секретарь продолжалъ :

«Мундиръ изъ тонкаго зеленаго сукна, на семь рублей.

«Штаны бѣлые суконные, на пять рублей.

«Двѣнадцать рубахъ полопняныхъ Голландскихъ съ манжетами, на десять рублей.

«Погребецъ съ чайною посудою, на два рубля съ полщиною

— Что за вранье? прервалъ Пугачевъ. Ка-

кое мнѣ дѣло до погребцовъ и до штановъ съ манжетами ?

Савельичъ крикнулъ и сталъ объясняться. «Это, батюшка, изволишь видѣть, рееспръ барскому добру, раскраденному злодѣями...»

— Какими злодѣями? — спросилъ грозно Пугачевъ.

«Виноватъ, обмолвился, отвѣчалъ Савельичъ. «Злодѣи не злодѣй, а твои ребята, таки поширили, да пораспаскали. Не гнѣвись, конь и о четырехъ ногахъ да спопыкается. Прикажи ужъ дочиташь.»

Дочитывай, сказалъ Пугачевъ. Секретарь продолжалъ :

«Одѣяло сипцевое, другое шафтяное на хлопчатой бумагѣ, четыре рубля.

«Шуба лисья, крышная алымъ рапиномъ, 40 рублей.

«Еще заячій тулубчикъ, пожалованный твоей милости на постояломъ дворѣ, 15 рублей.

— Это что еще! вскричалъ Пугачевъ, сверкнувъ огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бѣднаго моего дядьку. Онъ хотѣлъ было пуспиться опять въ объясненія; но Пугачевъ его прервалъ :

«Какъ ты смѣлъ лѣзть ко мнѣ съ такими пустяками?» вскричалъ онъ, выхватя бумагу изъ рукъ секретаря и бросивъ ее въ лице Савельичу. Глупый старикъ! Ихъ обобрали; экая бѣда! Да ты долженъ, старый хрычъ, вѣчно Бога молишь за меня да за моихъ ребятъ, за то, что ты и съ бариномъ - то своимъ не висите здѣсь вмѣстѣ съ моими слушниками... Заячій шулубъ! Я-те дамъ заячій шулубъ! Да знаешь ли ты, что я съ тебя живаго кожу велю содрать на шулубы?»

— Какъ изволишь, отвѣчалъ Савельичъ, а я человекъ подневольный, и за барское добро долженъ отвѣчать.

Пугачевъ былъ, видно, въ припадкѣ великодушія. Онъ отворотился и опъѣхалъ, не сказавъ болѣе ни слова. Швабринъ и старшины послѣдовали за нимъ. Шайка выступила изъ крѣпости въ порядкѣ. Народъ пошелъ провожать Пугачева. Я остался на площади одинъ съ Савельичемъ. Дядька мой держалъ въ рукахъ свой рееспръ и разсматривалъ его съ видомъ глубокаго сожалѣнія.

Видя мое доброе согласіе съ Пугачевымъ, онъ думалъ употребить оное въ пользу; но

мудрое намѣреніе ему не удалось. Я сталъ было его бранить за неумѣстное усердіе, и не могъ удержаться отъ смѣха. «Смѣйся, сударь,» отвѣчалъ Савельичъ, «смѣйся; а какъ придется намъ съизнова заводиться всѣмъ хозяйствомъ, такъ посмотримъ, смѣшно ли будетъ.»

Я спѣшилъ въ домъ священника увидѣться Марьей Ивановной. Попадья встрѣтила меня съ печальнымъ извѣстіемъ. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала безъ памяти и въ бреду. Попадья ввела меня въ ея комнату. Я тихо подошелъ къ ея кровати. Перемѣна въ ея лицѣ поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоялъ я передъ нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утѣшали. Мрачныя мысли волновали меня. Состояніе бѣдной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобныхъ мятежниковъ, собственное мое безсиліе, устрашали меня. Швабринъ, Швабринъ пуще всего терзалъ мое воображеніе. Облеченный властію отъ самозванца, предводительствуя въ крѣпости, гдѣ оставалась несчастная дѣвуш-

ка, невинный предметъ его ненависти, онъ могъ рѣшиться на все. Что мнѣ было дѣлать? Какъ подать ей помощь? Какъ освободить изъ рукъ злодѣя? Оставалось одно средство: я рѣшился тотъ же часъ отпра- виться въ Оренбургъ, дабы торопить освобо- жденіе Бѣлогорской крѣпости, и по возмо- жности тому содѣйствовать. Я простился съ священникомъ и съ Акулиной Памфилов- ной, съ жаромъ поручая ей ту, которую по- читалъ уже своею женою. Я взялъ руку бѣд- ной дѣвушки и поцѣловалъ ее, орошая слеза- ми. «Прощайте, говорила мнѣ попадья, про- вожая меня; «прощайте, Петръ Андреичъ. Авось увидимся въ лучшее время. Не забы- вайте насъ и пишите къ намъ почаще. Бѣд- ная Марья Ивановна, кромѣ васъ, не имѣетъ теперь ни утѣшенія, ни покровителя.»

Вышедъ на площадь, я остановился на ми- нуту, взглянулъ на висѣлицу, поклонился ей, вышелъ изъ крѣпости и пошелъ по Орен- бургской дорогѣ, сопровождаемый Савельичемъ, который опъ меня не оставалъ.

Я шелъ, занятый своими размышленіями, какъ вдругъ услышалъ за собою конскій по-

попъ. Оглянулся; вижу: изъ крѣпости скачешъ казакъ, держа Башкирскую лошадь въ поводья и дѣлая издали мнѣ знаки. Я остано- новился, и вскорѣ узналъ нашего урядника. Онъ, подскакавъ, слѣзъ съ своей лошади и ска- залъ, отдавая мнѣ поводья другой: «Ваше бла- городіе! Опець нашъ вамъ жалуешъ лошадь и шубу съ своего плеча (къ сѣдлу привязанъ былъ овчинный тулукъ). Да еще», примол- вилъ, запинаясь, урядникъ, «жалуешъ онъ вамъ... полтину денегъ... да я растерялъ ее дорогою! простите великодушно.» Савельичъ посмо- трѣлъ на него косо и проворчалъ: растерялъ дорогою! А что же у тебя побрякиваетъ за пазухой? Безсовѣстный!—«Что у меня за пазу- хой-то побрякиваетъ?» возразилъ урядникъ, ни мало не смуясь. »Богъ съ побою спари- нушка! Это бренишь уздечка, а не полти- на.» Добро, сказалъ я, прерывая споръ. Бла- годари отъ меня того, кто тебя прислалъ; а растерянную полтину постарайся подо- брать на возвратномъ пути, и возьми себѣ на водку.»—«Очень благодаренъ, ваше благо- родіе,» отвѣчалъ онъ, поворачивая свою лошадь; «вѣчно за васъ буду Бога молишь.» При сихъ

словахъ онъ поскакалъ назадъ, держась одной рукою за пазуху, и черезъ минуту скрылся изъ виду.

Я надѣлъ шулубъ и сѣлъ верхомъ, посадивъ за собою Савельича. «Вотъ видишь ли, сударь,» сказалъ старикъ, «что я не даромъ подалъ мошеннику челобитье: вору-то стало совѣстно; хоть Башкирская долговязая кляча да овчинный шулубъ не стóятъ и половины того, что они, мошенники, у насъ украли, и того, что ты ему самъ изволилъ пожаловать, да все же пригодится, а съ лихой собаки хоть шерсти клокъ.»

ГЛАВА X.

ОСАДА ГОРОДА.

Занявъ луга и горы,
Съ вершины, какъ орелъ, бросаю на градъ оны взоры.
За станомъ повелю соорудить раскаты,
И въ немъ перуны скривъ, въ нощи привести подъ градъ.
Херасковъ.

Приближаясь къ Оренбургу, увидѣли мы толпу колодниковъ съ обришыми головами, съ лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укрѣпленій, подъ надзоромъ гарнизонныхъ инвалидовъ. Иные вывозили въ шельжкахъ соръ, наполнявшій ровъ;

другіе лопашками копали землю ; на валу каменщики таскали кирпичъ и чинили городскую стѣну. У воротъ часовые остановили насъ и потребовали нашихъ паспортовъ. Какъ скоро сержантъ услышалъ, что я ѣду изъ Бѣлогорской крѣпости, то и повелъ меня прямо въ домъ генерала.

Я заспалъ его въ саду. Онъ осматривалъ яблони, обнаженныя дыханіемъ осени, и, съ помощію стараго садовника, бережно ихъ укутывалъ теплой соломой. Лице его изображало спокойствіе, здоровье и добродушіе. Онъ мнѣ обрадовался, и спалъ спрашивать объ ужасныхъ происшествіяхъ, коимъ я былъ свидѣтель. Я разскаалъ ему все. Старикъ слушалъ меня со вниманіемъ, и между тѣмъ отрѣзывалъ сухія вѣтви. «Бѣдный Мироновъ!» сказалъ онъ, когда кончилъ я свою печальную повѣсть. Жаль его: хорошій былъ офицеръ. И мадамъ Мироновъ добрая была дама, и какая майстерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?» Я отвѣчалъ, что она осталась въ крѣпости на рукахъ у попады. «Ай, ай, ай!» замѣтилъ генералъ. »Это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойниковъ ни-

какъ нельзя положиться. Чтѣо будетъ съ бѣдной дѣвушкою?» Я отвѣчалъ, что до Бѣлогорской крѣпости недалеко, и что вѣроятно его превосходительство не замедлитъ выслать войско для освобожденія бѣдныхъ ея жителей. Генераль покачалъ головою съ видомъ недо- вѣрчивости. Посмотримъ, посмотримъ», сказалъ онъ. «Объ этомъ мы еще успѣемъ по- толковать. Прошу ко мнѣ пожаловать на чашку чаю : сегодня у меня будетъ военный совѣтъ. Ты можешь намъ дать вѣрныя свѣдѣнія о бездѣльникѣ Пугачевѣ и объ его вой- скѣ. Теперь покаместъ поди отдохни.

Я пошелъ на квартиру, мнѣ опведенную, гдѣ Савельичъ уже хозяйничалъ, и съ непер- пѣниемъ спалъ ожидать назначеннаго време- ни. Чипатель легко себѣ представилъ, что я не преминулъ явиться на совѣтъ, должен- ствовавшій имѣть такое вліяніе на судьбу мою. Въ назначенный часъ я уже былъ у ге- нерала.

Я заспалъ у него одного изъ городскихъ чиновниковъ, помнился, директора тамож- ни, толстаго и румянаго старичка въ глазе- повомъ кафтанѣ. Онъ спалъ спрашивать

меня о судьбѣ Ивана Кузмича , котораго называлъ кумомъ, и часто прерывалъ мою рѣчь дополнительными вопросами и нравоучительными замѣчаніями, которыя если и не обличали въ немъ человѣка свѣдущаго въ военномъ искусствѣ, то, по крайней мѣрѣ, обнаруживали смѣшливость и природный умъ. Между тѣмъ собрались и прочіе приглашенные. Когда всѣ усѣлись и всѣмъ разнесли по чашкѣ чаю, генераль изложилъ весьма ясно и пространно, въ чемъ состояло дѣло: «Теперь, господа,» продолжалъ онъ, «надлежитъ рѣшить, какъ намъ дѣйствовать противу мятежниковъ: *наступательно или оборонительно*? Каждый изъ оныхъ способовъ имѣетъ свою выгоду и не выгоду. Дѣйствіе наступательное представляетъ болѣе надежды на скорѣйшее истребленіе непріятеля; дѣйствіе оборонительное болѣе вѣрно и безопасно... И такъ начнемъ собирать голоса по законному порядку, то есть, начиная съ младшихъ по чину. Г. прапорщикъ!» продолжалъ онъ обращаясь ко мнѣ. «Извольте объяснить намъ ваше мнѣніе.»

Я вспалъ, и, въ короткихъ словахъ опи-

савъ сперва Пугачева и шайку его, сказалъ утвердительно, что самозванцу способа не было устоятъ противу правильнаго оружія. Мнѣніе мое было принято чиновниками съ явною неблагосклонностію. Они видѣли въ немъ опрометчивость и дерзость молодаго человѣка. Поднялся ропотъ, и я услышалъ явственно слово: молокососъ, произнесенное кѣмъ-то въ полголоса. Генераль обратился ко мнѣ и сказалъ съ улыбкою: «Г. прапорщикъ! Первые голоса на военныхъ совѣтахъ подаются обыкновенно въ пользу движеній наступательныхъ: это законный порядокъ. Теперь станемъ продолжать собраніе голосовъ. Г. коллежскій совѣтникъ! скажите намъ ваше мнѣніе!»

Старичекъ въ глазетовомъ кафтанѣ поспѣшно допилъ третью свою чашку, значительно разбавленную ромомъ, и отвѣчалъ генералу: Я думаю, ваше превосходительство, что не должно дѣйствовать ни наступательно, ни оборонительно.

«Какъ же такъ, господинъ коллежскій совѣтникъ?» возразилъ изумленный генераль. «Другихъ способовъ тактика не представ-

ляеть: движеніе оборонительное или наступательное . . .»

— Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно.

«Э хе, хе, мнѣніе ваше весьма благоразумно. Движенія подкупательныя тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашимъ совѣтомъ. Можно будетъ обѣщать за голову бездѣльника . . . рублей семьдесятъ или даже сто . . . изъ секретной суммы . . .»

— И тогда, прервалъ таможенный директоръ, будь я Киргизскій баранъ, а не коллежскій совѣтникъ, если эти воры не выдадутъ намъ своего атамана, скованнаго по рукамъ и по ногамъ.

«Мы еще объ этомъ подумаемъ и пополкуемъ,» отвѣчалъ генераль. «Однако надлежитъ во всякомъ случаѣ предпринять и военныя мѣры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку.»

Всѣ мнѣнія оказались противными моему. Всѣ чиновники говорили о ненадежности войскъ, о невѣрности удачи, объ осторожности, и тому подобномъ. Всѣ полагали, что благоразумнѣе оставаться подъ прикрытіемъ

пушекъ за крѣпкой каменной стѣною, нежели на открытомъ полѣ испытывать счастье оружія. Наконецъ генераль, выслушавъ всѣ мнѣнія, вытряхнулъ пепелъ изъ трубки и произнесъ слѣдующую рѣчь :

«Государи мои ! долженъ я вамъ объявить, что съ моей стороны, я совершенно съ мнѣніемъ господина прапорщика согласенъ : ибо мнѣніе сіе основано на всѣхъ правилахъ здравой тактики, которая почти всегда наступательныя движенія оборонительнымъ предпочитаетъ.»

Тутъ онъ остановился и спалъ набивать свою трубку. Самолюбіе мое торжесствовало. Я гордо посмотрѣлъ на чиновниковъ, которые между собою перешептывались съ видомъ неудовольствія и безпокойства.

«Но, государи мои,» продолжалъ онъ выпусивъ, вмѣстѣ съ глубокимъ вздохомъ, густую струю табачнаго дыму— «я не смѣю взять на себя столь великую отвѣтственность, когда дѣло идетъ о безопасности ввѣренныхъ мнѣ провинцій Ея Императорскимъ Величествомъ, Всемилостивѣйшей моею Государыней. И такъ я соглашаюсь съ боль-

шинствомъ голосовъ, которое рѣшило, что всего благоразумнѣе и безопаснѣе внутри города ожидать осады, а нападенія непріятеля силой артиллеріи и (буде окажется возможнымъ) вылазками, отражать.»

Чиновники въ свою очередь насмѣшливо поглядѣли на меня. Совѣтъ разошелся. Я не могъ не сожалѣть о слабости почтеннаго воина, который, наперекоръ собственному убѣжденію, рѣшился слѣдовать мнѣніямъ людей несвѣдущихъ и неопытныхъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ сего знаменитаго совѣта, узнали мы, что Пугачевъ, вѣрный своему обѣщанію, приближался къ Оренбургу. Я увидѣлъ войско мятежниковъ съ высоты городской стѣны. Мнѣ показалось, что число ихъ вдесятеро увеличилось со времени послѣдняго приступа, коему былъ я свидѣтель. При нихъ была и артиллерія, взятая Пугачевымъ въ малыхъ крѣпостяхъ, имъ уже покоренныхъ. Вспомня рѣшеніе совѣта, я предвидѣлъ долговременное заключеніе въ стѣнахъ Оренбургскихъ, и чуть не плакалъ отъ досады.

Не стану описывать Оренбургскую осаду,

которая принадлежитъ исторіи, а не семейственнымъ запискамъ. Скажу вкратцѣ, что сія осада, по неосторожности мѣстнаго начальника, была гибельна для жителей, которые претерпѣли голодъ и всевозможныя бѣдствія. Легко можно себѣ вообразить, что жизнь въ Оренбургѣ была самая несносная. Всѣ съ уныніемъ ожидали рѣшенія своей участи; всѣ охали отъ дороговизны, которая въ самомъ дѣлѣ была ужасна. Жители привыкли къ ядрамъ, залепавшимъ на ихъ дворы; даже приступы Пугачева ужъ не привлекали общаго любопытства. Я умиралъ со скуки. Время шло. Писемъ изъ Бѣлогорской крѣпости я не получалъ. Всѣ дороги были отрѣзаны. Разлука съ Марьей Ивановной становилась мнѣ нестерпима. Неизвѣстность о ея судьбѣ меня мучила. Единственное развлеченіе мое состояло въ наѣздничествѣ. По милости Пугачева, я имѣлъ добрую лошадь, съ которой дѣлился скудной пищею, и на которой ежедневно выѣзжалъ я за городъ перестрѣливаться съ Пугачевскими наѣздниками. Въ этихъ перестрѣлкахъ перевѣсъ былъ обыкновенно на сторонѣ злодѣевъ, сытыхъ,

пьяныхъ и доброконныхъ. Тошяя городова конница не могла ихъ одолѣть. Иногда выходила въ поле и наша голодная пѣхота; но глубина снѣга мѣшала ей дѣйствовать удачно пропиву разсѣянныхъ наѣздниковъ. Артиллерія пыщешно гремѣла съ высоты вала, а въ полѣ вязла и не двигалась по причинѣ изнуренія лошадей. Таковъ былъ образъ нашихъ военныхъ дѣйствій! И вотъ что Оренбургскіе чиновники называли осторожностію и благоразуміемъ!

Однажды, когда удалось намъ какъ-то разсѣять и прогнать довольно густую толпу, наѣхалъ я на казака, оставшаго отъ своихъ товарищей; я готовъ былъ уже ударить его своею Турецкою саблею, какъ вдругъ онъ снялъ шапку и закричалъ: «Здравствуйте, Петръ Андреичъ! Какъ васъ Богъ милуетъ?»

Я взглянулъ, и узналъ нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. Здравствуй, Максимычъ; давно ли изъ Бѣлогорской?

«Недавно, батюшка Петръ Андреичъ; только вчера воропился. У меня есть къ вамъ письмецо.»

— Гдѣ жъ оно?—вскричалъ я, весь такъ и вспыхнувъ.

«Со мною,» отвѣчалъ Максимычъ, положивъ руку за пазуху. «Я обѣщался Палашѣ ужъ какъ нибудь да вамъ доставить. Тутъ онъ подалъ мнѣ сложенную бумажку, и потчасъ ускакалъ. Я развернулъ ее и съ трепетомъ прочелъ слѣдующія строки :

«Богу угодно было лишить меня вдругъ отца и матери: не имѣю на землѣ ни родни, ни покровителей. Прибѣгаю къ вамъ, зная, что вы всегда желали мнѣ добра и что вы всякому человѣку готовы помочь. Молю Бога, чтобъ это письмо какъ нибудь до васъ дошло! Максимычъ обѣщалъ вамъ его доставить. Палаша слышала также отъ Максимыча, что васъ онъ часто издали видитъ на вылазкахъ, и что вы совсѣмъ себя не бережете и не думаете о тѣхъ, которые за васъ со слезами Бога молятъ. Я долго была больна, а когда выздоровѣла, Алексѣй Ивановичъ, который командуетъ у насъ на мѣстѣ покойнаго батюшки, принудилъ отца Герасима выдать меня ему, застращавъ Пугачевымъ. Я живу въ нашемъ домѣ подъ карау-

ломъ. Алексѣй Ивановичъ принуждаетъ меня выйти за него замужъ. Онъ говоритъ, что спасъ мнѣ жизнь, потому что прикрылъ обманъ Акулины Памфиловны, которая сказала злодѣямъ, будто бы я ея племянница. А мнѣ легче было бы умереть, нежели сдѣлаться женою такого человѣка, каковъ Алексѣй Ивановичъ. Онъ обходится со мною очень жестоко, и грозитъ, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезетъ меня въ лагерь къ злодѣю, и съ вами-де то же будетъ, что съ Лизаветой Харловой. Я просила Алексѣя Ивановича дать мнѣ подумать. Онъ согласился ждать еще три дня, а коли черезъ три дня за него не выйду, такъ ужъ ни какой пощады не будетъ. Батюшка Пётръ Андреичъ! вы одинъ у меня покровитель; заступитесь за меня бѣдную. Упросите генерала и всѣхъ командировъ прислать къ намъ поскорѣе курсу; да прїѣзжайте сами, если можете. Остаюсь вамъ покорная бѣдная сирота

Марья Миронова »

Прочитавъ это письмо, я чуть съ ума не сошелъ. Я пустился въ городъ, безъ милосердія прищпоривая бѣднаго моего коня. До-

рогою придумывалъ я то и другое для избавленія бѣдной дѣвушки, и ничего не могъ выдумать. Прискакавъ въ городъ, я отправился прямо къ генералу, и опрометью къ нему вбѣжалъ.

Генераль ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, куря свою пѣнковую трубку. Увидя меня, онъ остановился. Вѣроятно, видъ мой поразилъ его; онъ заботливо освѣдомился о причинѣ моего поспѣшнаго прихода. Ваше превосходительство, сказалъ я ему, прибѣгаю къ вамъ, какъ къ отцу родному; ради Бога, не откажите мнѣ въ моей просьбѣ; дѣло идетъ о счастіи всей моей жизни.

«Что такое, батюшка?» спросилъ изумленный старикъ. «Что я могу для тебя сдѣлать? Говори.»

— Ваше превосходительство, прикажите взять мнѣ роту солдатъ и полсотни казаковъ, и пустите меня очистить Бѣлогорскую крѣпость.

Генераль глядѣлъ на меня пристально, полагая, вѣроятно, что я съ ума сошелъ (въ чемъ почти и не ошибался).

«Какъ это? Очистишь Бѣлогорскую крѣпость?» сказалъ онъ наконецъ.

— Ручаюсь вамъ за успѣхъ, отвѣчалъ я съ жаромъ. Только опустите меня.

«Нѣтъ, молодой человекъ,» сказалъ онъ, качая головою. «На такомъ великомъ разстояніи непріятелю легко будетъ отрѣзать васъ отъ коммуникаціи съ главнымъ стратегическимъ пунктомъ и получить надъ вами совершенную побѣду. Пресѣченная коммуникація»

Я испугался, увидя его, завлеченнаго въ военныя разсужденія, и спѣшилъ его прервать. Дочь капитана Миронова, сказалъ я ему, пишетъ ко мнѣ письмо; она проситъ помощи; Швабринъ принуждаетъ ее выйти за него замужъ.

«Неужто? О, этого Швабринъ превеликій *schelm*, и если попадется ко мнѣ въ руки, то я велю его судить въ 24 часа, и мы расстрѣляемъ его на парапетѣ крѣпости! По покаместъ надобно взять терпѣніе. . . .»

— Взять терпѣніе! вскричалъ я внѣ себя.

А онъ между тѣмъ женится на Марьѣ Ивановнѣ!..

«О!» возразилъ генераль. «Это еще не бѣда: лучше ей быть, покамѣстъ, женою Швабри-на; онъ теперь можетъ оказать ей пропек-цію, а когда его разспрѣляемъ, тогда, Богъ дастъ, сыщутся ей и женишки. Миленькія вдовушки въ дѣвкахъ не сидятъ; по есть, хотѣлъ я сказать, что вдовушка скорѣе най-детъ себѣ мужа, нежели дѣвица.»

— Скорѣе соглашусь умереть, сказалъ я въ бѣшенствѣ, нежели уступить ее Шваб-рину!

«Ба, ба, ба, ба!» сказалъ спарикъ. «Теперь понимаю: ты видно въ Марью Ивановну влюб-ленъ. О, дѣло другое! Бѣдный малый! Но все же я никакъ не могу дать тебѣ роту сол-датъ и полсотни казаковъ. Эта экспедиція была бы неблагоразумна; я не могу взять ее на свою отвѣтственность.»

Я пошупилъ голову: опчаяніе мною овладѣ-ло. Вдругъ мысль мелькнула въ головѣ моей: въ чемъ она состояла, читатель увидитъ

изъ слѣдующей главы, какъ говорятъ старинные романисты.

ГЛАВА XI.

МЯТЕЖНАЯ СЛОБОДА.

Въ ту пору левъ былъ сытъ, хотъ съ роду онъ свирѣпъ.
«Зачѣмъ пожаловать изволилъ въ мой вертепъ?»
Спросилъ онъ ласково.

А. Сумароковъ.

Я оставилъ генерала и поспѣшилъ на свою квартиру. Савельичъ встрѣтилъ меня съ обыкновеннымъ своимъ увѣщаніемъ. «Охота, шебѣ сударь, перевѣдываться съ пьяными разбойниками! Боярское ли это дѣло? Не равнень часъ: ни за что пропадешь. И добро

бы ужъ ходилъ ты на Турку или на Шведа, а то грѣхъ и сказать на кого.»

Я прервалъ его рѣчь вопросомъ: сколько у меня всего на все денегъ? «Будешь съ тебя,» отвѣчалъ онъ съ довольнымъ видомъ. «Мошенники какъ тамъ ни шарили, а я все-таки успѣлъ утаить.» И съ этимъ словомъ, онъ вынулъ изъ кармана длинный вязаный кошелекъ полный серебра. Ну, Савельичъ, сказалъ я ему, отдай же мнѣ теперь половину, а остальное возьми себѣ. Я ѣду въ Бѣлогорскую крѣпость.

«Батюшка Петръ Андреичъ!» сказалъ добрый дядька дрожащимъ голосомъ. «Побойся Бога; какъ тебѣ пускаешься въ дорогу въ нынѣшнее время, когда никуда проѣзду нѣтъ отъ разбойниковъ! Пожалѣй ты хоть своихъ родителей, коли самъ себя не жалѣешь. Куда тебѣ ѣхать? Зачѣмъ? погоди маленько: войска прійдутъ, переловятъ мошенниковъ; тогда поѣзжай себѣ хоть на всѣ четыре стороны.»

Но намѣреніе мое было твердо принято. Поздно разсуждать, отвѣчалъ я старику. Я долженъ ѣхать; я не могу не ѣхать. Не шу-

жи, Савельичъ : Богъ милостивъ ; авось увидимся ! Смотри же , не совѣспись и не скупись. Покупай, что тебѣ будетъ нужно, хопь въ три-дорога. Деньги эти я тебѣ дарю. Если черезъ три дня я не ворочусь . . .

«Что ты это , сударь?» — прервалъ меня Савельичъ. «Чтобъ я тебя пустилъ одного ! Да этого и во снѣ не проси. Коли ты ужъ рѣшился ѣхать, то я хопь пѣшкомъ да пойду за тобой , а тебя не покину. Чтобъ я спалъ безъ тебя сидѣть за каменной стѣною ! Да развѣ я съ ума сошелъ ? Воля твоя, сударь, а я отъ тебя не отстану.»

Я зналъ, что съ Савельичемъ спорить было нечего, и позволилъ ему приготовить въ дорогу. Черезъ полчаса я сѣлъ на своего добраго коня, а Савельичъ на тощую и хромую клячу , которую даромъ отдалъ ему одинъ изъ городскихъ жителей, не имѣя болѣе средствъ кормить ее. Мы прѣехали къ городскимъ воротамъ; караульные насъ пропустили; мы выѣхали изъ Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шелъ мимо Бердской слободы , пристанища Пугачевского. Прямая дорога занесена была снѣгомъ;

но по всей степи видны были конскіе слѣды, ежедневно обновляемые. Я ѣхалъ крупной рысью. Савельичъ едва могъ слѣдовать за мною издали, и кричалъ мнѣ поминутно: «Попише, сударь, ради Бога, попише! Проклятая кляченка моя не успѣваетъ за твоимъ долгоногимъ бѣсомъ. Куда спѣшить? Добро бы на пирь, а то подъ обухъ, того и гляди..... Петръ Андреичъ..... батюшка Петръ Андреичъ!... Не погуби!... Господи Владыко, пропадетъ барское дитя!»

Вскорѣ засверкали Бердскіе огни. Мы подъѣхали къ оврагамъ, естественнымъ укрѣпленіямъ слободы. Савельичъ отъ меня не отставалъ, не прерывая жалобныхъ своихъ моленій. Я надѣялся объѣхать слободу благополучно, какъ вдругъ увидѣлъ въ сумракъ прямо передъ собой человекъ пять мужиковъ, вооруженныхъ дубинами: это былъ передовой карауль Пугачевского пристанища. Насъ окликали. Не зная пароля, я хотѣлъ молча проѣхать мимо ихъ; но они меня тотчасъ окружили, и одинъ изъ нихъ схватилъ лошадь мою за узду. Я выхватилъ саблю и ударилъ мужика по головѣ; шапка спасла его, однако

онъ зашатался и выпустилъ изъ рукъ узду. Прочіе смутились и отбѣжали; я воспользо-вался этой минутою, пришпорилъ лошадь и поскакалъ.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня отъ всякой опасности, какъ вдругъ, оглянувшись, увидѣлъ я, что Савельича со мною не было. Бѣдный старикъ на своей хромой лошади не могъ ускакать отъ разбойниковъ. Что было дѣлать? Подождавъ его нѣсколько минутъ и удостовѣрившись въ томъ, что онъ задержанъ, я поворотилъ лошадь и отправился его выручать.

Подъѣзжая къ оврагу, услышалъ я издали шумъ, крики и голосъ моего Савельича. Я поѣхалъ скорѣе, и вскорѣ очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня нѣсколько минутъ тому назадъ. Савельичъ находился между ими. Они стащили старика съ его клячи, и готовились вязать. Прибытіе мое ихъ обрадовало. Они съ крикомъ бросились на меня и мигомъ стащили съ лошади. Одинъ изъ нихъ, повидимому главный, объявилъ намъ, что онъ сейчасъ поведетъ насъ къ Государю.

«А нашъ батюшка», прибавилъ онъ, «воленъ приказать: сей часъ ли васъ повѣсить, али дождаться свѣту Божію.» Я не пропивился; Савельичъ послѣдовалъ моему примѣру, и караульные повели насъ съ торжествомъ.

Мы перебрались черезъ оврагъ и вступили въ слободу. Во всѣхъ избахъ горѣли огни. Шумъ и крики раздавались вездѣ. На улицѣ я встрѣтилъ множество народу; но никто въ темнотѣ насъ не замѣтилъ и не узналъ во мнѣ Оренбургскаго офицера. Насъ привели прямо къ избѣ, стоявшей на углу перекрестка. У воротъ стояло нѣсколько винныхъ бочекъ и двѣ пушки. «Вотъ и дворецъ», сказалъ одинъ изъ мужиковъ; «сейчасъ объ васъ доложимъ» Онъ вошелъ въ избу. Я взглянулъ на Савельича; старикъ крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго; наконецъ мужикъ воропился и сказалъ мнѣ: «Сступай; нашъ батюшка велѣлъ впустить офицера.»

Я вошелъ въ избу, или во дворецъ, какъ называли ее мужики. Она освѣщена была двумя сальными свѣчами, а стѣны оклеены были золотою бумагою; впрочемъ, лавки, споль, рукомоѣникъ на веревочкѣ, полотенце на гво-

здѣ, ухватъ въ углу и широкій шестокъ, уставленный горшками, все было какъ въ обыкновенной избѣ. Пугачевъ сидѣлъ подъ образами, въ красномъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ, и важно подбочась. Около него стояло нѣсколько изъ главныхъ его товарищей, съ видомъ припворнаго подобострастія. Видно было, что вѣсть о прибытіи офицера изъ Оренбурга пробудила въ бунтовщикахъ сильное любопытство, и что они приготовились встрѣтить меня съ торжествомъ. Пугачевъ узналъ меня съ перваго взгляду. Поддѣльная важность его вдругъ исчезла. «А, ваше благородіе!»—сказалъ онъ мнѣ съ живостію. «Какъ поживаешь? Зачѣмъ тебѣ Богъ принесъ?» Я отвѣчалъ, что вѣхалъ по своему дѣлу, и что люди его меня остановили. «А по какому дѣлу?» спросилъ онъ меня. Я не зналъ, что отвѣчать. Пугачевъ, полагая, что я не хочу объясняться при свидѣтеляхъ, обратился къ своимъ товарищамъ и велѣлъ имъ выйти. Всѣ послушались, кромѣ двухъ, которые не пронулись съ мѣста. «Говори смѣло при нихъ,» сказалъ мнѣ Пугачевъ: «опъ нихъ я ничего не таю.» Я взглянулъ наискось

на наперсниковъ самозванца. Одинъ изъ нихъ, щедушный и сгорбленный старичекъ съ сѣдою бородкою, не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ голубой ленты, надѣтой чрезъ плечо по сѣрому армяку. Но вѣкъ не забуду его товарища. Онъ былъ высокаго роста, дородень и широкоплечъ, и показался мнѣ лѣтъ сорока пяти. Густая рыжая борода, сѣрые сверкающіе глаза, носъ безъ ноздрей, и красноватые пятна на лбу и на щекахъ, придавали его рябому, широкому лицу выраженіе неизъяснимое. Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ Киргизскомъ халатѣ и въ казацкихъ шароварахъ. Первый (какъ узналъ я послѣ) былъ бѣглый капралъ Бѣлобородовъ; второй Аѳанасій Соколовъ (прозванный Хлопушей), ссыльный преступникъ, три раза бѣжавшій изъ Сибирскихъ рудниковъ. Не смотря на чувства, исключительно меня волновавшія, общество, въ которомъ я такъ нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображеніе. Но Пугачевъ привелъ меня въ себя своимъ вопросомъ: Говори: по какому же дѣлу выѣхалъ ты изъ Оренбурга?»

Странная мысль пришла мнѣ въ голову:

мнѣ показалось, что Провидѣніе, вторично приведшее меня къ Пугачеву, подавало мнѣ случай привести въ дѣйство мое намѣреніе. Я рѣшился имъ воспользоваться, и, не успѣвъ обдумать то, на что рѣшился, отвѣчалъ на вопросъ Пугачева:

— Я ѣхалъ въ Бѣлогорскую крѣпость из-бавить сироту, которую тамъ обижаютъ.

Глаза у Пугачева засверкали. «Кто изъ моихъ людей смѣетъ обижать сироту?» закричалъ онъ. «Будь онъ семи пядень во лбу, а отъ суда моего не уйдетъ. Говори: кто виноватый?»

— Швабринъ виноватый, отвѣчалъ я. Онъ держитъ въ неволѣ ту дѣвушку, которую ты видѣлъ, больную у попадьи, и насильно хочетъ на ней жениться.

«Я проучу Швабрина,» сказалъ грозно Пугачевъ. «Онъ узнаетъ, каково у меня своевольничать и обижать народъ. Я его повѣшу.»

«Прикажи слово молвить,» сказалъ Хлопуша хриплымъ голосомъ: «Ты поторопился назначить Швабрина въ коменданты крѣпости, а теперъ торопишься его вѣшать. Ты ужъ оскорбилъ казаковъ, посадивъ дворянина имъ

въ начальники ; не пугай же дворянъ ; казня ихъ по первому наговору.»

«Нечего ихъ ни жалѣть, ни жаловать!» сказалъ старичекъ въ голубой лентѣ. «Швабри-на сказнись не бѣда , а не худо и господина офицера допросить порядкомъ , зачѣмъ изволилъ пожаловать. Если онъ тебя Государемъ не признаетъ , такъ нечего у тебя и управы искать , а коли признаетъ , что же онъ до сегодняшняго дня сидѣлъ въ Оренбургѣ съ твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его въ приказную , да запалишь тамъ огоньку: мнѣ сдается , что его милость посланъ къ намъ отъ Оренбургскихъ командировъ.»

Логика спараго злодѣя показалась мнѣ довольно убѣдительною. Морозъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу, при мысли, въ чьихъ рукахъ я находился. Пугачевъ замѣпилъ мое смущеніе. «Ась, ваше благородіе?» сказалъ онъ мнѣ подмигивая. «Фельдмаршалъ мой, кажется, говоритъ дѣло. Какъ ты думаешь?»

Насмѣшка Пугачева возвратила мнѣ бодрость. Я спокойно отвѣчалъ, что я нахожусь

въ его власти, и что онъ воленъ поступать со мною, какъ ему будетъ угодно.

«Добро,» сказалъ Пугачевъ. «Теперь скажи, въ какомъ состояніи вашъ городъ.

— Слава Богу, отвѣчалъ я, все благополучно.

«Благополучно?» повторилъ Пугачевъ. «А народъ мретъ съ голоду!»

Самозванецъ говорилъ правду; но я по долгу присяги спалъ увѣрять, что все это пустые слухи, и что въ Оренбургѣ довольно всякихъ запасовъ.

«Ты видишь, подхватилъ старичекъ, что онъ тебя въ глаза обманываетъ. Всѣ бѣглецы согласно показываютъ, что въ Оренбургѣ голодъ и моръ, что тамъ ѣдятъ мертвечину, и то за честь; а его милость увѣряетъ, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повѣсить, то ужъ на той же вислицѣ повѣсь и этого молодца, чтобъ никому не было завидно.»

Слова проклятаго старика, казалось, поколебали Пугачева. Къ счастью, Хлопуша, сталъ противорѣчить своему товарищу. «Полно, Наумычъ», сказалъ онъ ему. «Тебѣ бы все ду-

шить да рѣзать. Что ты за богатырь? Поглядѣть, такъ въ чемъ душа держится. Самъ въ могилу смотришь, а другихъ губишь. Развѣ мало крови на твоей совѣсти?»

— Да ты что за угодникъ? возразилъ Бѣлобородовъ. У тебя-то откуда жалость взялась?

«Конечно», отвѣчалъ Хлопуша, «и я грѣшенъ, и эта рука (тупъ онъ сжалъ свой костливый кулакъ и, засуча рукава, открылъ космашую руку), и эта рука повинна въ пролитой Христіанской крови. Но я губилъ сопротивника, а не госпя; на вольномъ перепутьѣ да въ темномъ лѣсу, не дома, сидя за печью; кистенемъ и обухомъ, а не бабьимъ наговоромъ.»

Старикъ отворопился и проворчалъ слова: «рванья ноздри!...»

— Что ты тамъ шепчешь, старый хрычъ? закричалъ Хлопуша. Я тебѣ дамъ рванья ноздри; погоди, придетъ и твое время; Богъ дастъ, и ты щипцевъ понюхаешь... А покаместъ смотри, чтобъ я тебѣ бородишки не вырвалъ!

«Господа енаралы!»—провозгласилъ важно

Пугачевъ. «Полно вамъ ссориться. Не бѣда, если бѣ и всѣ Оренбургскія собаки дрыгали ногами подѣ одной перекладиной: бѣда, если наши кобели межѣ собою перегрызутся. Ну, помирись.»

Хлопуша и Бѣлобородовъ не сказали ни слова, и мрачно смотрѣли другъ на друга. Я увидѣлъ необходимость перемѣнить разговоръ, который могъ кончиться для меня очень невыгоднымъ образомъ, и обратясь къ Пугачеву, сказалъ ему съ веселымъ видомъ: Ахъ! я было и забылъ благодарить тебя за лошадь и за тулубъ. Безѣ тебя я не добрался бы до города и замерзъ бы на дорогѣ.

Уловка моя удалась. Пугачевъ развеселился. «Долгъ плашежемъ красенъ,» сказалъ онъ, мигая и прищуриваясь. «Разскажи - ка мнѣ теперь, какое тебѣ дѣло до той дѣвушки, которую Швабринъ обижаетъ? Ужъ не зазнаба ли сердцу молодецкому? а?»

— Она невѣста моя, отвѣчалъ я Пугачеву, видя благопріятную перемѣну погоды и не находя нужды скрывать испину.

«Твоя невѣста!» закричалъ Пугачевъ. Что жѣ ты прежде не сказалъ? Да мы тебя же-

нимъ , и на свадьбѣ твоей попируемъ !» Потомъ обращаясь къ Бѣлобородову : «Слушай, фельдмаршалъ! Мы съ его благородіемъ старые пріятели; сядемъ-ка да поужинаемъ; утрово вечера мудренѣе. Завтра посмотримъ , что съ нимъ сдѣлаемъ.»

Я радъ былъ отказатьсь отъ предлагаемой чести, но дѣлать было нечего. Двѣ молодыя кавачки, дочери хозяина избы, накрыли столъ бѣлой скатертью , принесли хлѣба , ухи и нѣсколько шпофовъ съ виномъ и пивомъ , и я въпорично очутился за одною трапезой съ Пугачевымъ и съ его страшными поварищами.

Оргія, коей я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, продолжалась до глубокой ночи. Наконецъ хмѣль началъ одолавать собесѣдниковъ. Пугачевъ задремалъ , сидя на своемъ мѣстѣ ; товарищи его вспали и дали мнѣ знакъ оставить его. Я вышелъ вмѣстѣ съ ними. По распоряженію Хлопуши, караульный отвелъ меня въ приказную избу, гдѣ я нашелъ и Савельича, и гдѣ меня оставили съ нимъ ваперти. Дядька былъ въ такомъ изумленіи при видѣ всего, что происходило, что не сдѣ-

лалъ мнѣ ни какого вопроса. Онъ улегся въ темнотѣ, и долго вздыхалъ и охалъ; наконецъ захрапѣлъ, а я предался размышленіямъ, копорыя во всю ночь ни на одну минуточку не дали мнѣ задремать.

Поутру пришли меня звать опѣ имени Пугачева. Я пошелъ къ нему. У воротъ его стояла кибитка, запряженная тройкою Татарскихъ лошадей. Народъ толпился на улицѣ. Въ сѣняхъ встрѣтилъ я Пугачева: онъ былъ одѣтъ подорожному, въ шубѣ и въ Киргизской шапкѣ. Вчерашніе собесѣдники окружили его, принявъ на себя видъ подобострастія, который сильно прошиворѣчилъ всему, чему я былъ свидѣтелемъ наканунѣ. Пугачевъ, весело со мною поздоровался и велѣлъ мнѣ садиться съ нимъ въ кибитку.

Мы усѣлись. «Въ Бѣлогорскую крѣпость!» сказалъ Пугачевъ широкоплечему Татарину, стоя правящему тройкою. Сердце мое сильно забилося. Лошади тронулись, колокольчикъ загремѣлъ

«Стой! стой!» раздался голосъ, слишкомъ мнѣ знакомый,— и я увидѣлъ Савельича, бѣжавшаго намъ на встрѣчу. Пугачевъ велѣлъ

остановишься. «Батюшка Петръ Андреичъ!» кричалъ дядька. «Не покинь меня на старости лѣтъ среди этихъ мошенъ — А, старый хрычъ!—сказалъ ему Пугачевъ. Опять Богъ далъ свидѣться. Ну, садись на облучекъ.

«Спасибо, Государь, спасибо, опецъ родной!» говорилъ Савельичъ усаживаясь. Дай Богъ тебѣ сто лѣтъ здравствовать за то, что меня старика призрѣлъ и успокоилъ. Вѣкъ за тебя буду Бога молить, а о заячемъ тулубѣ и упоминать ужь не стану.»

Этотъ заячій тулубъ могъ наконецъ не на шутку разсердить Пугачева. Къ счастью, самозванецъ или не разслыхалъ или пренебрегъ неумѣстнымъ намѣткомъ. Лошади поскакали; народъ на улицѣ останавливался и кланялся въ поясъ. Пугачевъ кивалъ головою на обѣ стороны. Черезъ минушу мы выѣхали изъ слободы и помчались по гладкой дороге.

Легко можно себѣ представить, что чувствовалъ я въ эту минушу. Черезъ нѣсколько часовъ долженъ былъ я увидѣться съ той, которую почиталъ уже для меня потерянною. Я воображалъ себѣ минушу нашего со-

единенія... Я думалъ также и о томъ чело-
вѣкѣ, въ чьихъ рукахъ находилась моя судь-
ба, и которъй, по странному спеченію об-
стоятельствъ, таинственно былъ со мною
связанъ. Я вспоминалъ объ опрометчивой же-
стокости, о кровожадныхъ привычкахъ по-
го, кто вызвался бытъ избавителемъ моей
любезной! Пугачевъ не зналъ, что она была
дочь капитана Миронова; озлобленный Шваб-
ринъ могъ открыть ему все; Пугачевъ могъ
провѣдать истину и другимъ образомъ....
Тогда что станется съ Марьей Ивановной?
Холодъ пробѣжалъ по моему плъу и волоса
спановились дыбомъ...

Вдругъ Пугачевъ прервалъ мои размышле-
нія, обратясь ко мнѣ съ вопросомъ:

«О чемъ, ваше благородіе, изволилъ задуматься?»

— Какъ не задуматься, отвѣчалъ я ему.
Я офицеръ и дворянинъ; вчера еще дрался
пропиву себя, а сегодня ѣду съ тобой въ
одной кибиткѣ, и счастье всей моей жизни
зависитъ отъ тебя.

«Что жъ?» спросилъ Пугачевъ. «Страшно
тебѣ?»

Я отвѣчалъ, что, бывъ однажды уже имъ помилованъ, я надѣялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

«И ты правъ, ей Богу правъ!» сказалъ самозванецъ. «Ты видѣлъ, что мои ребята на тебя смотрѣли косо, а старикъ и сегодня настаивалъ на томъ, что ты шпионъ, и что надобно тебя пытать и повѣсить; но я не согласился,» прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, чтобъ Савельичъ и Ташаринъ не могли его услышать—«помня твоей спаканъ вина и заячій шулубъ. Ты видишь, что я не такой еще кровопійца, какъ говорятъ обо мнѣ ваша братья.»

Я вспомнилъ взятіе Бѣлогорской крѣпости, но не почелъ нужнымъ его оспаривать, и не отвѣчалъ ни слова.

«Что говорятъ обо мнѣ въ Оренбургъ?» спросилъ Пугачевъ, помолчавъ немного.

— Да говорятъ, что съ тобою сладить трудно; нечего сказать: далъ ты себя знать.

Лице самозванца изобразило довольное самолюбіе. «Да!» сказавъ онъ съ веселымъ видомъ. «Я воюю хоть куда. Знаютъ ли у васъ

въ Оренбургъ о сраженіи подъ Юзеевой? Сорокъ енараловъ убито, четыре арміи взято въ полонъ. Какъ ты думаешь: Прусскій Король могъ ли бы со мною попягаться?»

Хвастливость разбойника показалась мнѣ забавна. Самъ какъ ты думаешь? сказалъ я ему; управился ли бы ты съ Фридерихомъ?

«Съ Федоромъ Федоровичемъ? А какъ же нѣтъ? Съ вашими енаралами вѣдь я же управляюсь, а они его бивали. Досель оружіе мое было счастливо. Дай срокъ, то ли еще будетъ, какъ пойду на Москву.»

— А ты полагаешь итти на Москву?

Семозванецъ нѣсколько задумался, и сказалъ въ полголоса: «Богъ вѣсть. Улица моя пѣсна; воли мнѣ мало. Ребяша мои умничаютъ. Они воры. Мнѣ должно держать ухо востро; при первой неудачѣ, они свою шею выкупятъ моею головою.»

— То - то! сказалъ я Пугачеву. Не лучше ли тебѣ отстать отъ нихъ самому, заблаговременно, да прибѣгнуть къ милосердію Государыни?

Пугачевъ горько усмѣхнулся. «Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ; «поздно мнѣ каяться. Для меня

не будетъ помилованія. Буду продолжать какъ началъ. Какъ знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьевъ вѣдь поцарствовалъ же надъ Москвою.»

— А знаешь ты, чѣмъ онъ кончилъ? Его выбросили изъ окна, зарѣзали, сожгли, зарядили его пепломъ пушку и выпалили!

«Слушай,» сказалъ Пугачевъ съ какимъ-то дикимъ вдохновеніемъ. «Разскажу тебѣ сказку, которую въ ребячествѣ мнѣ разсказывала старая Калмычка. Однажды орелъ спрашивалъ у ворона: скажи, воронъ-птица, отъ чего живешь ты на бѣломъ свѣтѣ триста лѣтъ, а я всего на все только тридцать три года?—Отъ того, батюшка, отвѣчалъ ему воронъ, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орелъ подумалъ: дай попробуемъ и мы питаться тѣмъ же. Хорошо. Полетѣли орелъ да воронъ. Вотъ завидѣли палую лошадь; спустились и сѣли. Воронъ сталъ клевать, да похваливать. Орелъ клюнулъ разъ, клюнулъ другой, махнулъ крыломъ и сказалъ ворону: нѣтъ, братъ воронъ; чѣмъ триста лѣтъ питаешься падалью, луч-

ше разъ напишься живой кровью, а тамъ что Богъ дастъ!—Какова Калмыцкая сказка?»

— Запѣйлива, отвѣчалъ я ему. Но жизнь убійствомъ и разбоемъ значить, по мнѣ, клевать мертвечину.

Пугачевъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и ничего не отвѣчалъ. Оба мы замолчали, погрузаясь каждый въ свои размышленія. Татаринъ запянулъ унылую пѣсню; Савельичъ, дремля, качался на облучкѣ. Кибитка лепѣла по гладкому зимнему пути. Вдругъ увидѣлъ я деревушку на крутомъ берегу Яика, съ частоколомъ и съ колокольней, и черезъ четверть часа въѣхали мы въ Бѣлогорскую крѣпость.

ГЛАВА XII.

СИРОТА.

Какъ у нашей у яблонки
Ни верхушки нѣтъ, ни отросточекъ :
Какъ у нашей у княгинюшки
Ни отца нѣту, ни матери.
Снарядить-то ее некому ,
Благословить-то ее некому.
Свадебная пѣсня.

Кибитка подъѣхала къ крыльцу комендантскаго дома. Народъ узналъ колокольчикъ Пугачева и толпою бѣжалъ за нами. Швабринъ встрѣшилъ самозванца на крыльцѣ. Онъ былъ одѣтъ казакомъ и отроспилъ себѣ бороду.

Измѣнникъ помогъ Пугачеву вылѣзть изъ кибитки, въ подлыхъ выраженіяхъ изъявляя свою радость и усердіе. Увидя меня, онъ смутился; но вскорѣ оправился, протянулъ мнѣ руку, говоря: «И ты нашъ? Давно бы такъ!»— Я отворотился опъ него, и ничего не отвѣчалъ.

Сердце мое заныло, когда очутились мы въ давно-знакомой комнатѣ, гдѣ на стѣнѣ висѣлъ еще дипломъ покойнаго коменданта, какъ печальная эпитафія прошедшему времени. Пугачевъ сѣлъ на томъ диванѣ, на которомъ, бывало, дремалъ Иванъ Кузмичъ, усыпленный ворчаніемъ своей супруги. Швабринъ самъ поднесъ ему водки. Пугачевъ выпилъ рюмку, и сказалъ ему, указавъ на меня: «Поподчуй и его благородіе.» Швабринъ подошелъ ко мнѣ съ своимъ подносомъ, но я вторично опъ него отворотился. Онъ казался самъ не свой. При обыкновенной своей смѣтливости, онъ, конечно, догадался, что Пугачевъ былъ имъ недоволенъ. Онъ трусилъ передъ нимъ, а на меня поглядывалъ съ недоувѣрчивостію. Пугачевъ освѣдомился о состояніи крѣпости, о слухахъ про непріятельскія войска и тому

подобномъ, и вдругъ спросилъ его неожиданно: «Скажи, братъ, какую дѣвушку держишь ты у себя подъ карауломъ? Покажи мнѣ ее.»

Швабринъ поблѣднѣлъ какъ мертвый. Государь, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.... Государь, она не подъ карауломъ....она больна... она въ свѣтлицѣ лежитъ.

«Веди жъ меня къ ней,» сказалъ самозванецъ, вспавая съ мѣста. Отговориться было невозможно. Швабринъ повелъ Пугачева въ свѣтлицу Марьи Ивановны. Я за ними послѣдовалъ.

Швабринъ остановился на лѣстницѣ. «Государь!» сказалъ онъ. «Вы властны требовать отъ меня, что вамъ угодно; но не прикажите постороннему входить въ спальню къ женѣ моей.»

Я затрепеталъ. Такъ ты женатъ! сказалъ я Швабрину, готовясь его растерзать.

«Тише!» прервалъ меня Пугачевъ. «Это мое дѣло А ты»—продолжалъ онъ, обращаясь къ Швабрину,—«не умничай и не ломайся: жена ли она тебѣ, или не жена, а я веду къ ней кого хочу. Ваше благородіе, ступай за мною.»

У дверей свѣтлицы Швабринъ опять оста-

новился и сказалъ прерывающимся голосомъ : «Государь, предупреждаю васъ, что она въ бѣлой горячкѣ, и третій день, какъ бредитъ безъ умолку.»

—Отворай!—сказалъ Пугачевъ.

Швабринъ спалъ искапъ у себя въ карманахъ, и сказалъ, что не взялъ съ собою ключа. Пугачевъ толкнулъ дверь ногою ; замокъ отскочилъ; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянулъ, и обмеръ. На полу, въ крестьянскомъ оборванномъ плащѣ, сидѣла Марья Ивановна, блѣдная, худая, съ растрепанными волосами. Передъ нею стоялъ кувшинъ воды, накрышый ломтемъ хлѣба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною спало — не помню.

Пугачевъ посмотрѣлъ на Швабрина и сказалъ съ горькою усмѣшкою : «Хорошъ у тебя лазаретъ !» Потомъ подошелъ къ Марьѣ Ивановнѣ : «Скажи мнѣ, голубушка, за что твой мужъ тебя наказываетъ ? въ чемъ ты передъ нимъ провинилась ?»

— Мой мужъ! повторила она. Онъ мнѣ не мужъ. Я никогда не буду его женою! Я луч-

ше рѣшилась умереть , и умру , если меня не избавятъ.

Пугачевъ взглянулъ грозно на Швабрина : «И ты смѣлъ меня обманывать!» сказалъ онъ ему. «Знаешь ли , бездѣльникъ , чего ты достоинъ?»

Швабринъ упалъ на колѣни... Въ эту минуту презрѣніе заглушило во мнѣ всѣ чувства ненависти и гнѣва. Съ омерзѣніемъ глядѣлъ я на дворянина, валяющагося въ ногахъ бѣглаго казака. Пугачевъ смягчился. «Милую тебя на сей разъ ,» сказалъ онъ Швабрину ; «но знай , что при первой винѣ тебѣ припомнится и эта.» Потомъ обратился онъ къ Марьѣ Ивановнѣ, и сказалъ ей ласково: «Выходи, красная дѣвица ; дарую тебѣ волю. Я Государь.»

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что передъ нею убійца ея родителей. Она закрыла лице обѣими руками и упала безъ чувствъ. Я кинулся къ ней, но въ эту минуту очень смѣло въ комнату вперлась моя старинная знакомая, Палаша, и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачевъ вышелъ изъ свѣтлицы , и мы трое сошли въ гостиную.

«Что, ваше благородіе?» сказалъ смѣясь Пугачевъ. «Выручили красную дѣвицу! Какъ думаешь, не послашь ли за попомъ, да не заставишь ли его обвинчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженнымъ отцомъ, Швабринъ дружкою; закушимъ, запьемъ—и воропа запремъ!

Чего я опасался, то и случилось. Швабринъ, услыша предложеніе Пугачева, вышелъ изъ себя. «Государь!» закричалъ онъ въ испуленіи. «Я виноватъ, я вамъ солгалъ; но и Гриневъ васъ обманываетъ. Эта дѣвушка не племянница здѣшняго попа: она дочь Ивана Миронова, который казненъ при взятіи здѣшней крѣпости.

Пугачевъ устремилъ на меня огненные свои глаза. «Это что еще?» спросилъ онъ меня съ недоумѣніемъ.

— Швабринъ сказалъ тебѣ правду, отвѣчалъ я съ твердостію.

«Ты мнѣ этого не сказалъ,» замѣтилъ Пугачевъ, у коего лице омрачилось.

— Самъ ты разсуди, отвѣчалъ я ему, — можно ли было при твоихъ людяхъ объявить,

что дочь Миронова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто ее бы не спасло!

«И то правда», сказалъ смѣясь Пугачевъ.— «Мои пьяницы не пощадили бы бѣдную дѣвушку. Хорошо сдѣлала кумушка-попадья, что обманула ихъ.»

— Слушай, продолжалъ я, видя его доброе расположеніе. Какъ тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу... Но Богъ видитъ, что жизнию моею радъ бы я заплатилъ тебѣ за то, что ты для меня сдѣлалъ. Только не требуй того, что противно чести моей и Христіанской совѣсти. Ты мой благодѣтель. Доверши, какъ началъ: отпусти меня съ бѣдной сиротою, куда намъ Богъ путь укажетъ. А мы, гдѣ бы то ни было и что бы съ тобою ни случилось, каждый день будемъ Бога молить о спасеніи грѣшной твоей души....

Казалось, суровая душа Пугачева была прорвана. «Инь бытъ по твоему!» сказалъ онъ. «Казнить такъ казнить, жаловать такъ жаловать: таковъ мой обычай. Возьми себѣ свою красавицу; вези ее куда хочешь, и дай вамъ Богъ любовь да совѣтъ!»

Тутъ онъ оборотился къ Швабрину и ве-

лѣлъ выдать мнѣ пропускъ во всѣ заставы и крѣпости, подвластныя ему. Швабринъ, совсѣмъ уничтоженный, стоялъ какъ остолбенѣлый. Пугачевъ отправился осматривать крѣпость. Швабринъ его сопровождалъ, а я остался подъ предлогомъ приготовленій къ отъѣзду.

Я побѣжалъ въ свѣтлицу. Двери были заперты. Я постучался. «Кто тамъ?» спросила Палаша. Я назвался. Милый голосокъ Марьи Ивановны раздался изъ-за дверей. «Погодите, Андрей Петровичъ. Я переодѣваюсь. Ступайте къ Акулинѣ Памфиловнѣ; я сейчасъ туда же буду.»

Я повиновался и пошелъ въ домъ отца Герасима. И онъ и попадья выбѣжали ко мнѣ на встрѣчу. Савельичъ ихъ уже предупредилъ. «Здравствуйте, Петръ Андреичъ,» говорила попадья. «Привелъ Богъ опять увидѣться. Какъ поживаете? А мы-то про васъ каждый день поминали. А Марья - то Ивановна всего нашерпѣлась безъ васъ, моя голубушка!... Да скажите, мой отецъ, какъ это вы съ Пугачевымъ-то поладили! Какъ онъ это васъ не уколошилъ? Добро, спасибо злодѣю и за то.»

Полно, старуха,—прервалъ отецъ Герасимъ. Не все то ври, что знаешь. Нѣсть спасенія во многомъ глаголаніи. Батюшка Петръ Андреичъ! войдите, милости просимъ. Давно, давно не видались.

Попадья стала угощать меня, чѣмъ Богъ послалъ, а между тѣмъ говорила безъ умолку. Она рассказала мнѣ, какимъ образомъ Швабринъ принудилъ ихъ выдать ему Марью Ивановну; какъ Марья Ивановна плакала и не хотѣла съ ними расстаться; какъ Марья Ивановна имѣла съ нею всегдашнія сношенія черезъ Палашку (дѣвку бойкую, которая и урядника заставляеть плясать по своей дудкѣ); какъ она присовѣтовала Марьѣ Ивановнѣ написать ко мнѣ письмо, и прочее. Я, въ свою очередь, рассказалъ ей вкратцѣ свою исторію. Попъ и попадья крестились, услыша, что Пугачеву извѣстенъ ихъ обманъ. «Съ нами сила крестная!» говорила Акулина Памфиловна. «Промчи Богъ пучу мимо. Ай-да Алексѣй Иванычъ; нечего сказать: хорошъ гусь!» — Въ самую эту мину дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла съ улыбкою на блѣдномъ лицѣ. Она оставила свое крестьянское

плашье и одѣта была по прежнему, просто и мило.

Я схватилъ ея руку, и долго не могъ вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали опъ полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что намъ было не до нихъ, и оставили насъ. Мы остались одни. Все было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мнѣ все, что съ нею ни случилось съ самаго взятія крѣпости; описала мнѣ весь ужасъ ея положенія, всѣ испытанія, которымъ подвергалъ ее гнусный Швабринъ. Мы вспомнили и прежнее счастливое время... Оба мы плакали... Наконецъ я сталъ объяснять ей мои предположенія. Оставаться ей въ крѣпости, подвластной Пугачеву и управляемой Швабринымъ, было невозможно. Нельзя было думать и объ Оренбургѣ, претерпѣвающимъ всѣ бѣдствія осады. У ней не было на свѣтѣ ни одного роднаго человѣка. Я предложилъ ей ѣхать въ деревню къ моимъ родителямъ. Она сначала колебалась: извѣстное ей неблагорасположеніе отца моего ее пугало. Я ее успокоилъ. Я зналъ, что отецъ по-

чтеть за счастье и вѣннть себя въ обязанность принять дочь заслуженнаго воина, погибшаго за отечество. Милая Марья Ивановна! сказалъ я наконецъ. Я почитаю тебя своею женою. Чудныя обстоятельства соединили насъ неразрывно: ничто на свѣтѣ не можетъ насъ разлучить. Марья Ивановна выслушала меня просто, безъ притворной застѣнчивости, безъ зашѣйливыхъ отговорокъ. Она чувствовала, что судьба ея соединена была съ моею. Но она повторила, что не иначе будетъ моею женою, какъ съ согласія моихъ родителей. Я ей и не противорѣчилъ. Мы поцѣловалось горячо, искренно, и такимъ образомъ все было между нами рѣшено.

Черезъ часъ урядникъ принесъ мнѣ пропускъ, подписанный каракульками Пугачева, и позвалъ меня къ нему, отъ его имени. Я нашель его готоваго пуститься въ дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовалъ, расставаясь съ этимъ ужаснымъ человекомъ, извергомъ, злодѣемъ для всѣхъ, кромѣ одного меня. Зачѣмъ не сказать истины? Въ эту минуту сильное сочувствіе влекло меня къ нему. Я пламенно желалъ вырвать его изъ

среды злодѣевъ, которыми онъ предводительствовалъ, и спаси его голову, пока еще было время. Швабринъ и народъ, толпившійся около насъ, помѣшали мнѣ высказать все, чѣмъ исполнено было мое сердце.

Мы распались дружески. Пугачевъ, увидя въ полкѣ Акулину Памфиловну, погрозилъ пальцемъ и мигнулъ значительно; попомъ сѣлъ въ кибитку, велѣлъ ѣхать въ Берду, и когда лошади пронулись, то онъ еще разъ высунулся изъ кибитки и закричалъ мнѣ: «Прощай, ваше благородіе! Авось увидимся когда нибудь.»—Мы точно съ нимъ увидѣлись, но въ какихъ обстоятельствахъ!.....

Пугачевъ уѣхалъ. Я долго смотрѣлъ на бѣлую степь, по которой неслась его тройка. Народъ разошелся. Швабринъ скрылся. Я воротился въ домъ священника. Все было готово къ нашему отъѣзду; я не хотѣлъ долѣе медлить. Добро наше все было уложено въ старую комендантскую повозку. Ямщики мигомъ заложили лошадей. Марья Ивановна пошла проститься съ могилами своихъ родителей, похороненныхъ за церковью. Я хотѣлъ ее проводить, но она просила меня

оставить ее одну. Через нѣсколько минутъ она ворошилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отецъ Герасимъ и жена его вышли на крыльце. Мы сѣли въ кибитку втроемъ: Марья Ивановна съ Палашей и я. Савельичъ забрался на облучекъ. «Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! прощайте, Петръ Андреичъ, соколъ нашъ ясный!» говорила добрая попадья. «Счастливыи путь, и дай Богъ вамъ обоимъ счастья!» Мы поѣхали. У окошка комендантскаго дома я увидѣлъ стоящаго Швабрина. Лице его изображало мрачную злобу. Я не хотѣлъ торжествовать надъ уничтоженнымъ врагомъ, и обратилъ глаза въ другую сторону. Наконецъ мы выѣхали изъ крѣпостныхъ воротъ и навѣкъ оставили Бѣлогорскую крѣпость.

ГЛАВА XIII.

АРЕСТЪ.

Не гнѣвайтесь, сударь ; по долгу моему
Я долженъ сей же часъ отправить васъ въ тюрьму.
— Извольте, я готовъ ; но я въ такой надеждѣ,
Что дѣло объяснить дозволите мнѣ прежде.
Княжнинъ.

Соединенный такъ нечаянно съ милой дѣ-
вушкою, о которой еще утпромъ я такъ му-
чительно беспокоился, я не вѣрилъ самому
себѣ и воображалъ, что все со мною случив-
шееся было пустое сновидѣніе. Марья Ивано-
вна глядѣла съ задумчивостію по на меня,

по на дорогу, и, казалось, не успѣла еще опомниться и прійти въ себя. Мы молчали. Сердца наши слишкомъ были утомлены. Непримѣтнымъ образомъ, часа черезъ два, очутились мы въ ближней крѣпости, также подвластной Пугачеву. Здѣсь мы перемѣнили лошадей. По скорости, съ каковой ихъ запрягали, по шоропливой услужливости брадашаго казака, поставленнаго Пугачевымъ въ коменданты, я увидѣлъ, что, благодаря болшливости ямщика, насъ привезшаго, меня принимали какъ придворнаго временщика.

Мы отправились далѣе. Стало смеркаться. Мы приблизились къ городу, гдѣ, по словамъ брадашаго коменданта, находился сильный отрядъ, идущій на соединеніе къ самозванцу. Мы были остановлены караульными. На вопросъ: кто ѣдетъ? ямщикъ отвѣчалъ громко: «Государевъ кумъ со своею хозяйскою.» Вдругъ толпа гусаровъ окружила насъ съ ужасною бранью. «Выходи, бѣсовъ кумъ!» сказалъ мнѣ усапый вахмистръ. «Вошь уже тебѣ будешь баня, и съ твоею хозяйскою!»

Я вышелъ изъ кибитки и требовалъ, чтобъ отвели меня къ ихъ начальнику. Увидя офи-

цера, солдаты прекрашили брань. Вахмистръ повелъ меня къ маюру. Савельичъ опъ меня не отспавалъ, поговоривая про себя: «Вошъ тебъ и Государевъ кумъ! Изъ огня да въ полымя.... Господи Владыко! чѣмъ это все кончипся?» Кибипка шагомъ поѣхала за ними.

Черезъ пять минушъ мы пришли къ домику, ярко освѣщенному. Вахмистръ оставилъ меня при караулѣ и пошелъ обо мнѣ доложить. Онъ потчасъ же воропился, объявивъ мнѣ, что его высокоблагородію нѣкогда меня принять, а что онъ велѣлъ отвести меня въ острогъ, а хозяйку къ себѣ привести.

—Что это значипъ?—закричалъ я въ бѣшенствѣ. Да развѣ онъ съ ума сошелъ?

«Не могу знать, ваше благородіе»—отвѣчалъ вахмистръ. «Только его высокоблагородіе приказалъ ваше благородіе отвести въ острогъ, а ея благородіе приказано привести къ его высокоблагородію, ваше благородіе!»

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удержать, и я прямо вбѣжалъ въ комнату, гдѣ человекъ шесть гусарскихъ офицеровъ играли въ банкъ. Маіоръ металъ. Каково было мое изумленіе, когда, взглянувъ

на него, узналъ я Ивана Ивановича Зурина, нѣкогда обыгравшаго меня въ Симбирскомъ трактирѣ!

— Возможно ли? вскричалъ я; Иванъ Ивановичъ, ты ли?

«Ба, ба, ба, Петръ Андреичъ! Какими судьбами? Откуда ты? Здорово, братъ. Не хочешь ли поставить карточку?»

— Благодаренъ. Прикажи-ка лучше отвести мнѣ квартиру.

Какую тебѣ квартиру? Оставайся у меня.

— Не могу: я не одинъ.

«Ну, подавай сюда и товарища.»

— Я не съ товарищемъ: я съ дамою.

«Съ дамою! Гдѣ же ты ее подцѣпилъ? Эге, братъ!» (При сихъ словахъ Зуринъ засвиспѣлъ такъ выразительно, что всѣ захохотали, а я совершенно смутился.)

«Ну,» продолжалъ Зуринъ: «пакъ и быть. Будетъ тебѣ квартира. А жаль. . . Мы бы попиروвали по старинному. . . Гей, малой! Да что жъ сюда не всдутъ кумушку-то Пугачева? или она упрямится? Сказать ей, чтобъ она не боялась: баринъ-де прекрасный; ничѣмъ не обидитъ, да хорошенько ее въ шею.»

— Что ты это? сказалъ я Зурина. Какая кумушка Пугачева? Это дочь покойнаго капитана Миронова. Я вывезъ ее изъ плѣна и теперь провожаю до деревни бабюшкиной, гдѣ и оставлю ее.

»Какъ! Такъ это о тебѣ мнѣ сейчасъ докладывали? Помилуй! что жъ это значитъ?»

— Послѣ все расскажу. А теперь, ради Бога, успокой бѣдную дѣвушку, которую гусары твои перепугали.

Зуринъ тотчасъ распорядился. Онъ самъ вышелъ на улицу извиняться передъ Марьей Ивановной въ невольномъ недоразумѣніи, и приказалъ вахмистру отвести ей лучшую квартиру въ городѣ. Я остался ночевать у него.

Мы отужинали, и когда оспались вдвоемъ, я рассказалъ ему свои похождения. Зуринъ слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ. Когда я кончилъ, онъ покачалъ головою и сказалъ: «Все это, братъ, хорошо; одно не хорошо: зачѣмъ тебя чортъ несетъ жениться? Я, честный офицеръ, не захочу тебя обманывать; повѣрь же ты мнѣ, что женитьба блажь. Ну, куда тебѣ возиться съ женою да

нянчаться съ ребятишками? Эй, плюнь. Послушай меня: развяжись ты съ капитанской дочкой. Дорога въ Симбирскъ мною очищена и безопасна. Отправь ее завтра жь одну къ родителямъ твоимъ, а самъ оставайся у меня въ отрядъ. Въ Оренбургъ возвращаться тебѣ не зачѣмъ. Попадешься опять въ руки бунтовщиковъ, шакъ врядъ ли отъ нихъ еще разъ отдѣлаешься. Такимъ образомъ любовная дурь пройдетъ сама собою, и все будетъ ладно.»

Хотя я не со всѣмъ былъ съ нимъ согласенъ, однако жь чувствовалъ, что долгъ чести требовалъ моего присутствія въ войскъ Императрицы. Я рѣшился послѣдовать совѣту Зурина: отправить Марью Ивановну въ деревню, и остаться въ его отрядъ.

Савельичъ явился меня раздѣвать; я объявилъ ему, чтобъ на другой же день готовъ онъ былъ ѣхать въ дорогу съ Марьей Ивановной. Онъ было заупрямился. «Что ты, сударь? Какъ же я тебя-то покину? Кто за тобою будетъ ходить? Что скажутъ родители твои?»

Зная упрямство дядьки моего, я вознамѣ-

рился убѣдить его лаской и искренностію. Другъ ты мой, Архипъ Савельичъ! сказалъ я ему. Не откажи, будь мнѣ благодѣтелемъ; въ прислугѣ здѣсь я нуждаюсь не стану, а не буду спокоенъ, если Марья Ивановна поѣдетъ въ дорогу безъ тебя. Служа ей, служишь ты и мнѣ, потому что я твердо рѣшился, какъ скоро обстоятельства дозволятъ, жениться на ней.

Тутъ Савельичъ сплеснулъ руками съ видомъ изумленія неописаннаго. «Женишься!» повторилъ онъ. «Дитя хочетъ жениться! А что скажетъ батюшка, а мапушка-то что подумаетъ?»

Согласятся, вѣрно согласятся, отвѣчалъ я, когда узнаютъ Марью Ивановну. Я надѣюсь и на тебя. Батюшка и мапушка тебѣ вѣрятъ: ты будешь за насъ ходатаемъ, не такъ ли?

Старикъ былъ тронутъ. Охъ, батюшка ты мой Петръ Андреичъ!» отвѣчалъ онъ. «Хоть раненько задумалъ ты жениться, да за то Марья Ивановна такая добрая барышня, что грѣхъ и пропустишь оказію Инъ быть по твоему! Провожу ее, ангела Божія,

и рабски буду доноситьъ своимъ родителямъ, что такой невѣстѣ ненужно и приданого.»

Я благодарилъ Савельича, и легъ спать въ одной комнатѣ съ Зуринымъ. Разгоряченный и взволнованный, я разболтался. Зуринъ сначала со мною разговаривалъ охотно; но мало по малу слова его спали рѣже и безсвязнѣе; наконецъ, вмѣсто отвѣта на какой-то вопросъ, онъ захрапѣлъ и присвиснулъ. Я замолчалъ и вскорѣ послѣдовалъ его примѣру.

На другой день утромъ пришелъ я къ Марьѣ Ивановнѣ. Я сообщилъ ей свои предположенія. Она признала ихъ благоразуміе, и тотчасъ со мною согласилась. Опредѣлъ Зуринъ долженъ былъ выступить изъ города въ тотъ же день. Нечего было медлить. Я тутъ же расстался съ Марьей Ивановной, поручивъ ее Савельичу и давъ ей письмо къ своимъ родителямъ. Марья Ивановна заплакала. «Прощайте, Пётръ Андреичъ!» сказала она тихимъ голосомъ. Придется ли намъ увидѣться или нѣтъ, Богъ одинъ это знаетъ; но вѣкъ не забуду васъ; до могилы ты одинъ останешься въ моемъ сердцѣ. «Я ничего не могъ отвѣчать. Люди насъ окружали. Я не хо-

тѣлъ при нихъ предаваться чувствамъ , которыя меня волновали. Наконецъ она уѣхала. Я возвратился къ Зурину , грустенъ и молчаливъ. Онъ хотѣлъ меня развеселить; я думалъ себя разсѣять: мы провели день шумно и буйно , и вечеромъ выступили въ походъ.

Это было въ концѣ Февраля. Зима, затруднявшая военныя распоряженія, проходила , и наши генералы готовились къ дружному содѣйствию. Пугачевъ все еще стоялъ иодъ Оренбургомъ. Между тѣмъ около его отряды соединялись, и со всѣхъ сторонъ приближались къ злодѣйскому гнѣзду. Бунтующія деревни , при видѣ нашихъ войскъ , приходили въ повиновеніе; шайки разбойниковъ вездѣ бѣжали отъ насъ , и все предвѣщало скорое и благополучное окончаніе.

Вскорѣ Князь Голицынъ подъ крѣпостью Ташищевой разбилъ Пугачева , разсѣялъ его толпы, освободилъ Оренбургъ , и , казалось , нанесъ бунту послѣдній и рѣшительный ударъ. Зуринъ былъ въ то время отряженъ противу шайки мятежныхъ Башкирцевъ, которые разсѣялись прежде, нежели мы ихъ уви-

дали. Весна осадила насъ въ Татарской деревушкѣ. Рѣчки разлились и дороги стали непроходимы. Мы утѣшались въ нашемъ бездѣйствіи мыслию, о скоромъ прекращеніи скучной и мелочной войны съ разбойниками и дикарями.

Но Пугачевъ не былъ пойманъ. Онъ явился на Сибирскихъ заводахъ, собралъ тамъ новыя шайки, и опять началъ злодѣйствовать. Слухъ о его успѣхахъ снова распространился. Мы узнали о разореніи Сибирскихъ крепостей. Вскорѣ вѣсть о взятіи Казани и о походѣ самозванца на Москву встревожила начальниковъ войскъ, безпечно дремавшихъ въ надеждѣ на безсиліе презрѣннаго бунтовщика. Зуринъ получилъ повелѣніе переправиться чрезъ Волгу.

Не стану описывать нашего похода и окончанія войны. Скажу коротко, что бѣдствіе доходило до крайности. Правленіе было повсюду прекращено; помѣщики укрывались по лѣсамъ. Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду; начальники отдѣльныхъ отрядовъ самовластно наказывали и миловали; состояніе всего обширнаго края, гдѣ свирѣпство-

валъ пожаръ , было ужасно Не приведи Богъ видѣть Русскій бунтъ безмысленный и безпощадный !

Пугачевъ бѣжалъ , преслѣдуемый Иваномъ Ивановичемъ Михельсономъ. Вскорѣ узнали мы о совершенномъ его разбитіи. Наконецъ Зуринъ получилъ извѣстіе о поимкѣ самозванца, а вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣніе остановиться. Война была кончена. Наконецъ мнѣ можно было ѣхать къ моимъ родителемъ ! Мысль ихъ обнять, увидѣть Марью Ивановну , отъ которой не имѣлъ я ни какого извѣстія , одушевляла меня восторгомъ. Я прыгалъ какъ ребенокъ. Зуринъ смѣялся и говорилъ пожимая плечами: «Нѣтъ, тебѣ не сдобровать! Женисься, ни за что пропадешь!»

Но между тѣмъ странное чувство оправляло мою радость: мысль о злодѣѣ, обрызганномъ кровію столько невинныхъ жертвъ , и о казни , его ожидающей, тревожила меня по неволѣ: Емеля , Емеля ! думалъ я съ досадою ; зачѣмъ не наткнулся ты на штыкъ , или не подвернулся подъ картечь? Лучше ничего не могъ бы ты придумать. Что прикажете дѣлать? Мысль о немъ неразлучна бы-

ла во мнѣ съ мыслию о пощаде, данной мнѣ имъ въ одну изъ ужасныхъ минутъ его жизни, и объ избавленіи моей невѣсты изъ рукъ гнуснаго Швабрина.

Зуринъ далъ мнѣ отпускъ. Черезъ нѣсколь-ко дней долженъ я былъ опять очутиться среди моего семейства, увидѣть опять мою Марью Ивановну. . . . Вдругъ неожиданная гроза меня поразила.

Въ день, назначенный для выѣзда, въ самую ту минуту, когда готовился я пуститься въ дорогу, Зуринъ вошелъ ко мнѣ въ избу, держа въ рукахъ бумагу, съ видомъ чрезвычайно озабоченнымъ. Что-то кольнуло меня въ сердце. Я испугался, самъ не знаю чего. Онъ выслалъ моего денщика и объявилъ, что имѣешь до меня дѣло. Что такое? спросилъ я съ безпокойствомъ. — «Маленькая неприятность,» отвѣчалъ онъ, подавая мнѣ бумагу. «Прочитай, что сейчасъ я получилъ.» Я сталъ ее читать: это былъ секретный приказъ ко всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ арестовать меня, гдѣ бы ни попался, и немедленно отправить подъ карауломъ въ Ка-

зань въ слѣдственную комиссію , учрежденную по дѣлу Пугачева.

Бумага чуть не выпала изъ моихъ рукъ. «Дѣлать нечего» сказалъ Зуринъ. «Долгъ мой повиноваться приказу. Вѣроятно, слухъ о своихъ дружескихъ путешествіяхъ съ Пугачевымъ какъ нибудь да дошелъ до правительсва. Надѣюсь, что дѣло не будетъ имѣть ни какихъ послѣдствій, и что ты оправдаешься передъ комиссіей. Не унывай и отправляйся.» Совѣсть моя была чиста ; я суда не боялся; но мысль отсрочить минутой сладкаго свиданія, можетъ быть на нѣсколько еще мѣсяцевъ , устрашала меня. Телѣжка была готова. Зуринъ дружески со мною простился. Меня посадили въ телѣжку. Со мною сѣли два гусара съ саблями наголо , и я поѣхалъ по большой дорогѣ.

ГЛАВА XIV.

СУДЪ.

Мірская молва —
Морская волна.
Пословица.

Я былъ увѣренъ, что виною всему было самовольное мое отсутствіе изъ Оренбурга. Я легко могъ оправдаться: наѣздничество не только никогда не было запрещено, но еще всѣми силами было ободряемо. Я могъ быть обвиненъ въ излишней запальчивости, а не въ ослушаніи. Но пріятельскія сношенія мои

съ Пугачевымъ могли быть доказаны множествомъ свидѣтелей и должны были казаться по крайней мѣрѣ весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлялъ я о допросахъ, меня ожидающимъ, обдумывалъ свои отвѣты, и рѣшился объявить передъ судомъ сущую правду, полагая сей способъ оправданія самымъ простымъ, а вмѣстѣ и самымъ надежнымъ.

Я пріѣхалъ въ Казань, опустошенную и погорѣлую. По улицамъ, на мѣстѣ домовъ, лежали груды углей и торчали закоптѣлыя стѣны безъ крышъ и оконъ. Таковъ былъ слѣдъ, оставленный Пугачевымъ! Меня привезли въ крѣпость, уцѣлѣвшую среди сгорѣвшаго города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Онъ велѣлъ кликнуть кузнеца. Надѣли мнѣ на ноги цѣпь и заковали ее наглухо. Потомъ отвели меня въ тюрьму и оставили одного въ тѣсной и темной конуркѣ, съ однѣми голыми стѣнами и съ окошечкомъ, загороженнымъ желѣзною рѣшеткою.

Таковое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. Однако жъ я не терялъ ни бодро-

спи, ни надежды. Я прибѣгнулъ къ утѣшенію всѣхъ скорбящихъ, и впервые вкусивъ сладость молитвы, изліянной изъ чистаго, но расперзаннаго сердца, спокойно заснулъ, не заботясь о томъ, что со мною будетъ.

На другой день тюремный сторожъ меня разбудилъ, съ объявленіемъ, что меня пребуютъ въ комиссію. Два солдата повели меня черезъ дворъ въ комендантскій домъ, остановились въ передней, и впустили одного во внутреннія комнаты.

Я вошелъ въ залу довольно обширную. За столомъ, накрытымъ бумагами, сидѣли два человѣка: пожилой генералъ, виду строгаго и холоднаго, и молодой гвардейскій капитанъ, лѣтъ двадцати осьми, очень пріятной наружности, ловкій и свободный въ обращеніи. У окошка, за особымъ столомъ, сидѣлъ секретарь съ перомъ за ухомъ, наклонясь надъ бумагою, готовый записывать мои показанія. Начался допросъ. Меня спросили о моемъ имени и званіи. Генералъ освѣдомился, не сынъ ли я Андрея Петровича Гринева, и на отвѣтъ мой возразилъ сурово: «Жаль, что такой почтенный человѣкъ имѣетъ такого не-

достойнаго сына!» Я спокойно отвѣчалъ, что каковы бы ни были обвиненія, тяготѣющія на мнѣ, я надѣюсь ихъ разсѣять чистосердечнымъ объясненіемъ истины. Увѣренность моя ему не понравилась. «Ты, братъ, восперъ,» сказалъ онъ мнѣ нахмурясь; «но, видали мы и не такихъ!»

Тогда молодой человекъ спросилъ меня, по какому случаю и въ какое время вошелъ я въ службу къ Пугачеву и по какимъ порученіямъ былъ я имъ употребляемъ.

Я отвѣчалъ съ негодованіемъ, что я, какъ офицеръ и дворянинъ, ни въ какую службу къ Пугачеву вступать, и ни какихъ порученій отъ него принять не могъ.

«Какимъ же образомъ,» возразилъ мой допросчикъ, «дворянинъ и офицеръ одинъ пощажень самозванцемъ, между тѣмъ какъ всѣ его товарищи злодѣйски умерщвлены? Какимъ образомъ этакъ самый офицеръ и дворянинъ дружески пируетъ съ бунтовщиками, принимаетъ отъ главнаго злодѣя подарки, шубу, лошадь и полтину денегъ? Отъ чего произошла такая странная дружба и на чемъ она основана, если не на измѣнѣ, или по край-

ней мѣрѣ на гнусномъ и преступномъ мало-душіи?»

Я былъ глубоко оскорбленъ словами гвардейскаго офицера, и съ жаромъ началъ свое оправданіе. Я рассказалъ, какъ началось мое знакомство съ Пугачевымъ въ степи, во время бурана; какъ, при взятіи Бѣлогорской крѣпости, онъ меня узналъ и пощадилъ. Я сказалъ, что шулубъ и лошадь, правда, не посо-вѣстился я принять отъ самозванца; но что Бѣлогорскую крѣпость защищалъ я прошиву злодѣя до послѣдней крайности. Наконецъ я сослался и на моего генерала, который могъ засвидѣтельствовать мое усердіе во время бѣдственной Оренбургской осады.

Строгій старикъ взялъ со стола открытое письмо и спалъ читать его вслухъ:

«На запросъ вашего превосходительства касательно прапорщика Гринева, яко бы замѣшаннаго въ нынѣшнемъ смятеніи и вошедшаго въ сношеніе съ злодѣемъ, службою недозволенная и долгу присяги противная, объяснить имѣю честь: оный прапорщикъ Гринева находился на службѣ въ Оренбургѣ отъ начала Октябрю прошлаго 1773 года до 24 Фе-

враля нынѣшняго года, въ которое число онъ изъ города отлучился, и съ той поры уже въ команду мою не являлся. А слышно отъ перебѣжщиковъ, что онъ былъ у Пугачева въ слободѣ и съ нимъ вмѣстѣ ѣздилъ въ Бѣлогорскую крѣпость, въ коей прежде находился онъ на службѣ; что касается до его поведенія, то я могу» Тутъ онъ прервалъ свое чтеніе, и сказалъ мнѣ сурово: «Что ты теперь скажешь себѣ въ оправданіе?»

Я хотѣлъ было продолжать какъ началъ, и объяснить мою связь съ Марьей Ивановной такъ же искренно, какъ и все прочее, но вдругъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Мнѣ пришло въ голову, что если назову ее, то комиссія потребуетъ ее къ отвѣту; и мысль впускать имя ея между гнусными извѣстями злодѣевъ и ее самую привести на очную съ ними ставку, эта ужасная мысль такъ меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшіе, казалось, выслушивать отвѣты мои съ нѣкоторою благоклонностію, были снова предубѣждены противу меня при видѣ моего смущенія. Гвардейскій офицеръ потребовалъ, чтобъ меня по-

спавили на очную спавку съ главнымъ доносителемъ. Генераль велѣлъ кликнуть *вчерашняго злодѣя*. Я съ живостію обратился къ дверямъ, ожидая появленія своего обвинителя. Черезъ нѣсколько минутъ загремѣли цѣпи, двери отворились, и вошелъ—Швабринъ. Я изумился его перемѣнѣ. Онъ былъ ужасно худъ и блѣденъ. Волоса его, недавно черные какъ смоль, совершенно посѣдѣли; длинная борода была включена. Онъ повторилъ обвиненія свои слабымъ, но смѣлымъ голосомъ. По его словамъ, я отряженъ былъ отъ Пугачева въ Оренбургъ шпиономъ; ежедневно выѣзжалъ на переспрѣлки, дабы передавать письменныя извѣстія объ всемъ, что дѣлалось въ городѣ; что наконецъ явно передался самозванцу, разѣзжалъ съ нимъ изъ крѣпости въ крѣпость, стараясь всячески губить своихъ товарищей-измѣнниковъ, дабы занимать ихъ мѣста и пользоваться наградами, раздаваемыми отъ самозванца. Я выслушалъ его молча и былъ доволенъ однимъ: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнуснымъ злодѣемъ, отъ того ли, что самолюбіе его спрадало при мысли о той, которая отвергла его съ

презрѣніемъ ; опъ того ли , что въ сердцѣ его таилась искра того же чувства , которое и меня заставляло молчать ; какъ бы то ни было , имя дочери Бѣлогорскаго коменданта не было произнесено въ присутствіи комиссіи . Я утвердился еще болѣе въ моемъ намѣреніи , и когда судьи спросили : чѣмъ могу опровергнуть показаніе Швабрина ? я отвѣчалъ , что держусь перваго своего объясненія , и ничего другаго въ оправданіе себѣ сказать не могу . Генераль велѣлъ насъ вывести . Мы вышли вмѣстѣ . Я спокойно взглянулъ на Швабрина , но ни сказалъ ему ни слова . Онъ усмѣхнулся злобной усмѣшкой , и , приподнявъ свои цѣпи , опередилъ меня и ускорилъ свои шаги . Меня опять отвели въ тюрьму и съ тѣхъ поръ уже къ допросу не требовали .

Я не былъ свидѣтелемъ всему , о чемъ остается мнѣ уведомить читателя ; но я такъ часто слыхалъ о томъ рассказы , что малѣйшія подробности врѣзались въ мою память , и что мнѣ кажется , будто бы я шупъ же невидимо присутствовалъ .

Марья Ивановна принята была моими ро-

дипелями съ тѣмъ искреннимъ радушіемъ , которое отличало людей стараго вѣка. Они видѣли благодать Божию въ томъ, что имѣли случай пріюпити и обласкать бѣдную сироту. Вскорѣ они къ ней искренно привязались, потому что нельзя было ее узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшкѣ пустою блажью, а матушка только того и желала, чтобъ ея Пепруша женился на милой капитанской дочкѣ.

Слухъ о моемъ арестѣ поразилъ все мое семейство. Марья Ивановна такъ просто рассказала моимъ родителямъ о странномъ знакомствѣ моемъ съ Пугачевымъ, что оно не только не беспокоило ихъ, но еще заставляло часто смѣяться отъ чистаго сердца. Батюшка не хотѣлъ вѣрить, чтобы я могъ быть замѣшанъ въ гнусномъ бунтѣ, коего цѣль была ниспроверженіе престола и истребленіе дворянскаго рода. Онъ строго допросилъ Савельича. Дядька не упайлъ, что баринъ бывалъ въ госпяхъ у Емельки Пугачева, и что-де злодѣй его таки жаловалъ; поклялся, что ни о какой измѣнѣ онъ и не слышалъ. Старики успокоились и съ нетер-

пѣніемъ спали ждашь благопріятныхъ вѣстей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо въ высшей степени была одарена скромностію и осторожностію.

Прошло нѣсколько недѣль. . . . Вдругъ батюшка получаетъ письмо отъ нашего родственника Князя Б***. Князь писалъ ему обо мнѣ. Послѣ обыкновеннаго приступа, онъ объявилъ ему, что подозрѣнія на счетъ участія моего въ замыслахъ бунтовщиковъ, къ несчастію, оказались слишкомъ основательными; что примѣрная казнь должна была бы меня постигнуть, но что Государыня, изъ уваженія къ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ отца, рѣшилась помиловать преступнаго сына, и избавляя его отъ позорной казни, повелѣла только сослать въ отдаленный край Сибири на вѣчное поселеніе.

Сей неожиданный ударъ едва не убилъ отца моего. Онъ лишился обыкновенной своей твердости, и горестъ его (обыкновенно нѣмая) излилась въ горькихъ жалобахъ. «Какъ!» повторялъ онъ, выходя изъ себя. «Сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже

праведный, до чего я дожил! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна: пращуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, опсѣивая то, что почиталъ святынею своей совѣсти; отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками, съ убійцами, съ бѣглыми холопьями!... Стыдъ и срамъ нашему роду!...» Испуганная его опчаяніемъ матушка не смѣла при немъ плакать и старалась возвратитъ ему бодрость, говоря о невѣрности молвы, о шаткости людскаго мнѣнія. Отецъ мой былъ неупѣшенъ.

Марья Ивановна мучилась больше всѣхъ. Будучи увѣрена, что я могъ оправдаться, когда бы только захотѣлъ, она догадалась объ истинѣ и почитала себя виновницею моего несчастія. Она скрывала отъ всѣхъ свои слезы и спраданія, и между тѣмъ непрестанно думала о средствахъ, какъ бы меня спасти.

Однажды вечеромъ батюшка сидѣлъ на диванѣ, перевертывая листы Придворнаго Календаря; но мысли его были далеко, и чте-

ніе не производило надъ нимъ обыкновеннаго своего дѣйствія. Онъ насвистывалъ старинный маршъ. Мамушка молча взяла шерстяную фуфайку, и слезы изрѣдка капали на ея работу. Вдругъ Марья Ивановна, тупъ же сидѣвшая за работой, объявила, что необходимость ея заставляетъ ѣхать въ Петербургъ, и что она проситъ дать ей способъ отправиться. Мамушка очень огорчилась. — «Зачѣмъ тебѣ въ Петербургъ?» сказала она. «Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты насъ покинуть?» Марья Ивановна отвѣчала, что вся будущая судьба ея зависитъ отъ этого путешествія, что она ѣдетъ искать покровительства и помощи у сильныхъ людей, какъ дочь человѣка, посстрадавашаго за свою вѣрность.»

Отецъ мой пошупилъ голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступленіе сына, было ему тягостно и казалось колкимъ упрекомъ. «Поѣзжай, мамушка!» сказалъ онъ ей со вздохомъ. «Мы твоему счастью помѣхи сдѣлать не хопимъ. Дай Богъ тебѣ въ женихи добраго человѣка, не ошельмованнаго измѣнника.» Онъ вспалъ и вышелъ изъ комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наединѣ съ матушкою, отчасти объяснила ей свои предположенія. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучномъ концѣ замышленнаго дѣла. Марью Ивановну снарядили, и черезъ нѣсколько дней она отправилась въ дорогу съ вѣрной Палашей и съ вѣрнымъ Савельичемъ, который, насильственно разлученный со мною, утѣшался по крайней мѣрѣ мыслию, что служитъ нареченной моей невѣстѣ.

Марья Ивановна благополучно прибыла въ Софію, и узнавъ на почтовомъ дворѣ, что Дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей оповѣли уголокъ за перегородкой. Жена смотрителя тотчасъ съ ней разговорила, объявила, что она племянница придворнаго исполника и посвятила ее во всѣ тайнства придворной жизни. Она рассказала, въ которомъ часу Государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ, кого принимала вечеромъ; словомъ,

разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна рассказала исторію каждой аллеи и cadaго мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію очень довольныя другъ другомъ.

На другой день, рано утромъ, Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ Графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка Англійской породы залаяла и побѣжала ей на встрѣчу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: «Не бойтись, она не укуситъ.» И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ про-

пиву памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама приспально на нее смотрѣла, а Марья Ивановна, съ своей стороны бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ упренномъ плашьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей казалось лѣтъ сорокъ. Лице ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая перервала молчаніе.

«Вы вѣрно не здѣшнія?» сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

«Вы пріѣхали съ вашими родителами?»

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала одна.

«Одна! Но вы такъ еще молоды.»

— У меня нѣтъ ни ошца, ни мапери.

«Вы здѣсь конечно по какимъ нибудь дѣламъ?»

— Точно такъ съ я пріѣхала подать просьбу Государынѣ.

«Вы сирота: вѣроятно, вы жалуешесь на несправедливость и обиду?»

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

«Позвольте спросить, кто вы таковы?»

— Я дочь капитана Миронова.

«Капитана Миронова! того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ Оренбургскихъ крѣпостей?»

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была пронута. «Извините меня,» сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, «если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; я бываю при Дворѣ; изъясните, мнѣ въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можете быть, мнѣ удался вамъ помочь.»

Марья Ивановна вспала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая спала читать ее про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ; но вдругъ лице ея переменилось, и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испуга-

лась строгаго выраженія эшого лица, за минушу споль пріятнаго и спокойнаго.

«Вы просите за Гринева?» сказала дама съ холоднымъ видомъ. «Императрица не можетъ его простить. Онъ приспалъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй.»

— Ахъ, неправда! вскрикнула Марья Ивановна.

«Какъ неправда!» возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей Богу, неправда! Я знаю все, я все вамъ расскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ пошому только, что не хотѣлъ запутать меня.—Тутъ она съ жаромъ рассказала все, что уже извѣстно моему чипапелю.

Дама выслушала ее со вниманіемъ. «Гдѣ вы остановились?» спросила она потомъ, и услыша, что у Анны Власьевны, примолвила съ улыбкою: «А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы не долго будете ждашь отвѣта на ваше письмо.»

Съ эшимъ словомъ она вспала и вышла въ крышную аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ, и за чашкою чаю только было принялась за безконечные рассказы о Дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и камеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что Государыня изволишь къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахъши, Господи!» закричала она. Государыня потребуешь васъ ко Двору. Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, мапушка, представитесь къ Императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по придворному не умѣете Не проводишь ли мнѣ васъ? Все-таки я васъ хоть въ чемънибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Не послашь ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ?»—Камеръ-лакей объявилъ, что Государынѣ угод-

но, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна, и въ томъ, въ чемъ ее заспанушъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе нашей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Черезъ нѣсколько минушъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею отворились наспешь. Она прошла длинный рядъ пустыхъ, великолѣпныхъ комнатъ; камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложитъ, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть Императрицу лицомъ къ лицу такъ устрашала ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Черезъ минушъ двери отворились, и она вошла въ уборную Государыни.

Императрица сидѣла за своимъ пуалешомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья

Ивановна узнала въ ней ту даму, съ копорой такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, копорое сами попрудитесь отвезти къ будущему свекру.»

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою, и, заплакавъ, упала къ ногамъ Императрицы, копорая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорила съ нею. «Знаю, что вы не богаты» сказала она ; «но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе.»

Обласкавъ бѣдную сироту, Государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьевна, неперпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на копорые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣнчиво-

сти и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно повхала въ деревню

Здѣсь прекращаются записки Петра Андреича Гринева. Изъ семейственныхъ преданій извѣстно, что онъ былъ освобожденъ отъ заключенія въ концѣ 1774 года, по именному повелѣнiю; что онъ присутствовалъ при казни Пугачева, который узналъ его въ толпѣ и кивнулъ ему головою, которая черезъ минушу, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскорѣ потомъ Петръ Андреичъ женился на Марьѣ Ивановнѣ. Помѣстье ихъ благоденствуетъ въ Симбирской Губернiи. Въ тридцати верстахъ отъ *** находится село, принадлежащее десятирымъ помѣщикамъ. Въ одномъ изъ барскихъ флигелей показываютъ собственноручное письмо Екатерины II за стекломъ и въ рамкѣ. Оно писано къ отцу Петра Андреича и содержитъ оправданiе его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреича Гринева доставлена была намъ отъ одного изъ его внуковъ, кото-

рый узналъ, что мы заняты были трудомъ, оппосащимся ко временамъ, описаннымъ его дѣдомъ. Мы рѣшились, съ разрѣшенія родственниковъ, издашь ее особо , пріискавъ къ каждой главѣ приличный эпиграфъ и дозволить себѣ перемѣнить нѣкоторыя собственныя имена.

К О Н Е Ц Ъ .

А. С. Пушкин

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА (Факсимиле издания 1837 г.)

Впервые напечатано в «Современнике» (1836. Т. IV; без подписи). Работа над романом велась начиная с 1833 г. и вчерне была завершена 23 июля (или июня) 1836 г. К 27 сентября первая половина романа была переписана на белом и отослана цензору П. А. Корсакову. В 20-х числах октября Корсаков получил остальную часть текста. При публикации в «Современнике» произведение датировано 19 октября 1836 г. В этот день была завершена беловая рукопись.

Из «Записок» И. П. Сахарова (Русский архив. 1873. Кн. II. С. 974) известно, что Пушкин хотел напечатать «Капитанскую дочку» отдельным изданием, но А. А. Краевский, помогавший ему в делах «Современника» и Б. А. Враский, владелец типографии, где печатался «Современник», возражали против такого намерения, желая, чтобы новое произведение впервые было опубликовано в журнале. После того как публикация в «Современнике» состоялась, издатель и книгопродавец Лев Жебелев предложил Пушкину новый план. К концу 1836 г. оставались нераспроданными повести Пушкина, напечатанные в 1834 г. в типографии Х. Гинце («Повести, изданные Александром Пушкиным. СПб., 1834»). Идея Жебелева заключалась в том, чтобы объединить нераспроданный тираж с новым изданием «Капитанской дочки» под общим названием «Романы и повести Александра Пушкина». «Романы и повести» прошли цензуру 8 января 1837 г., и «Капитанская дочка» была отдана для быстрейшего напечатания сразу в две типографии: первая часть — в типографию Н. Греча, вторая — в типографию Х. Гинце. Третью книжку составляло издание повестей 1834 г., снабженное новым титульным листом, в точности повторяющим титульный лист II части «Романов и повестей». Печатание завершилось уже после смерти Пушкина, в конце апреля 1837 г. (билет на выпуск в свет выдан цензором Корсаковым 5 мая), — но издание было уничтожено опекунами, поскольку они готовили к печати собрание сочинений Пушкина в пользу семьи поэта. В Научной библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета сохранился единственный экземпляр «Романов и повестей», по которому и воспроизводится здесь «Капитанская дочка».

При подготовке «Романов и повестей» текст «Капитанской дочки» перепечатывался с «Современника». Следов авторской правки он не имеет, а в некоторых случаях содержит искажения и пропуски. Наиболее существенными изменениями являются отсутствие эпиграфа «Береги честь смолоду. Пословица», стоявшего в «Современнике» в начале повести после заглавия, и отсутствие в конце текста подписи «Издатель» и даты «19 окт. 1836». В письме Гринева к генералу Андрею Карловичу Р. исправлено имя генерала, в «Современнике» напечатанное с ошибкой («Иван Карлович»).